

1) Комиссия по обследованию Зан. Оюруга на Крестовом перевале (В.-Груз. дорога). 2) Аппаратный зал Кутаисского телеграфа.

РАДИОПОЛИС.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ТРЕХ ЧАСТЯХ

А. Беляева.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

По просьбе редакции, литератор А. Р. Беляев, разделяющий литературный труд с работой в нашем ведомстве, написал специально для журнала «Жизнь и Техника Связи» научно-фантастическую повесть «Радиополис». Повесть эта будет печататься в продолжение текущего года в нашем журнале.

Отводя, хотя и небольшое, место чисто беллетристическому произведению в производственном журнале, редакция руководствовалась следующими соображениями.

Повесть должна явиться не только разумным развлечением (полезность которой неоспорима), но и средством ввести читателя в круг идей, которые могут быть обобщены словами «будущее человечества», ознакомить в популярной форме с новейшими изобретениями и научными достижениями, а также теми научными проблемами, которые еще не осуществлены, но уже являются предметом научных изысканий. При чем в центре этих новейших изобретений в плане повести стоит радио, которое, вне сомнения, внесет огромные изменения во всю общественную жизнь. Подобно с этими задачами наибольшее внимание уделяется автором не столько внешней занимательности, сколько «синтезированной» научным достижениям и описанию тех изменений, которые они произведут в общественном укладе.

Жизнь неистощима в своем творчестве. Она нередко оставляет позади писателей-фантастов, творит то, на что не дерзала мысль мечтателя, фантаста. И, конечно, будущее сложится далеко не во всем так, как изображается в повести. Но полезность таких произведений в том, что они будят творческую мысль, поднимают над засасывающей обыденностью, напоминают нам о том, что и мы, как бы ни была скромна наша работа,—

строители лучшего будущего. И чем лучше мы будем выполнять выпавший на нашу долю труд, тем скорее оно станет настоящим.

РЕДАКЦИЯ.

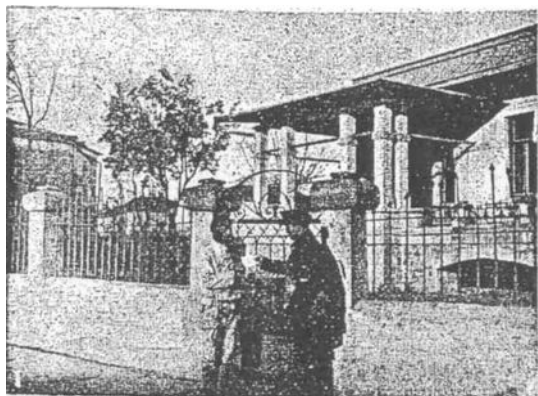
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЕВРАЗИЯ.

1. В летний вечер.

Я сидел на садовом плетеном кресле, окрашенном в зеленый цвет, у края широкой аллеи из каштанов и цветущих лип. Их сладкий аромат наполнял воздух. Заходящие лучи солнца золотили песок широкой аллеи и верхушки деревьев.

Как я попал сюда, в это незнакомое место? Я напрягал свою память, но она отказывалась служить мне.

Это не могло быть сном. Слишком все было реально, хотя и необычайно странно и незнакомо. По широкой аллее, уходящей, как широкая, суживающаяся лента, в обе стороны, в разных направлениях ходили люди. Почти все они были молоды. Стариков, бредущих дряхлой походкой, я не видал. И все они были одеты в костюмы, напоминавшие греческую тунику: широкая, опоясанная, рубашка, доходившая до колен, открытые руки и грудь. Этот костюм был прост и однообразен по покрою, но в каждом было нечто особенное, очевидно, отражавшее вкус носителя. Костюмы отличались цветом. Преобладали нежные тона—сиреневые, бледно-палевые и голубые. Но были туники и более яркой окраски, с затейливыми складками, имевшие узоры по краям подола. Ноги жителей неизвестной страны были обуты в легкие сандалии. Голова, с остриженными волосами, непокрыта. Все они были пропорционально сложены, смуглы от загара, здоровы, жизнерадостны. Но среди них не было ни

1) Доставка писем в Кутансе. 2) Почта на четверне из Кутанса в Они.

толстых, ни худых, ни чрезмерно физически развитых. И, правду сказать, я не мог понять, кто это: юноши или девушки.

Особенно поразила меня одна их странность: одинокие люди шли, о чем-то разговаривая, хотя вблизи их никого не было, смеялись, отвечали на чьи-то неслышимые вопросы, при чем они держали около своего рта левую руку, как будто желая прикрыть его.

— Может быть, они сумасшедшие, и этот парк находится при лечебнице?— с жутью подумал я.— Но тогда должны же быть сиделки, врачи, сторожа, которые присматривали бы за ними.

Некоторые проходили довольно близко около меня, иногда я слышал обрывки их одиноких разговоров. Но они говорили на каком-то незнакомом языке. Это еще больше увеличило мое смущение. Куда попал я? И отчего они смотрят на меня с таким удивлением? Я вполне прилично одет в костюм от «Москвошвея».

Рядом со мною было свободное кресло. Я хотел и боялся того, чтобы кто-нибудь не подсел ко мне. И я старался не привлекать к себе взглядов этих людей.

Не знаю, долго-ли бы я просидел еще в таком одиночестве, если бы не один случай, который привел меня к более близкому соприкосновению с этим новым миром. И пустынный случай: мне захотелось курить. Я вынул коробку папирос «Люкс» и закурил. Это невинное занятие произвело совершенно неожиданный для меня эффект. Несмотря на то, что все эти юноши или девушки, были, повидимому, хорошо воспитаны, они вдруг целой толпой окружили меня, глядя на выходящий из моего рта дым с таким изумлением и даже ужасом, как если бы я стал вдруг дышать пламенем. Они о чем-то стали горячо говорить между собою на своем языке. Я невольно смутился, но старался сохранить непринужденный вид и даже заложил ногу на ногу.

Наконец, один из них отделился от толпы, приблизился ко мне и спросил:

— Кiu vi. (киу ви)?

«Ви» — очень похоже на «вы». О чем они могут спрашивать? Конечно, о том, кто я.

Не эсперанто ли это? Как досадно, что я не изучал эсперанто.

— Я русский, из Москвы.

Спрашивавший обернулся к толпе, и они опять о чем-то заговорили. Поняли ли они меня?

Потом они замолчали, и тот, который говорил со мною, приложил руку ко рту. В руке его я заметил какой-то небольшой круглый, черный предмет: И он держал этот предмет у рта, когда говорил.

— Так вот оно что! Телефон!— догадался я. Телефон без проводов. Очевидно, радио. Во всяком случае, я попал к культурным людям. О таких успехах радио мы еще не мечтали. Но что же это за страна, что за народ?..— Однако, не время было рассуждать. Окружавшая толпа насторожилась в ожидании чего-то. Некоторые нетерпеливо поглядывали на небо.

— Что—они милиционера позвали, что ли?— подумал я, ища глазами урну для окурков. Я не нашел ее и бросил окурочек на дорожку. Несколько человек, осторожно придвинувшись, нагнулись и с любопытством рассматривали окурочек. Но толпа вдруг заволоновалась. Все головы были обращены вверх. Я посмотрел в ту же сторону и увидел какую-то летящую в небе точку. Точка выросла в комара, в муху,—кто-то летел сюда. Какое-то странное насекомое с большими, трепещущими крылышками. К моему изумлению, это был человек. Он скоро спустился, плавно и бесшумно, рядом с моим креслом. Крылья сложились за его спиной, как у бабочки.

Прилетевший был в такой же тунике, но синего цвета и из более толстой материи. Он был без волос на голове, с моложавым лицом. Но несколько морщинок у его темных, умных глаз говорили о том, что он уже не молод.

— Ви русский?—спросил он меня.

— Переводчик,—подумал я.— Да, я русский.—И я назвал свою фамилию и протянул ему руку. Этот жест, повидимому, напугал стоявших вблизи, и они подались назад. «Переводчик» сначала удивленно посмотрел на мою протянутую руку, о чем-то подумал, улыбнулся, кивнул головой и с

На Военно-Грузинской дороге: 1) П. т. о. в Гудаурах. 2) Письмоносцы Млетского п. т. о.

некоторым внутренним усилием, как-будто он боялся замарать свою руку, протянул ее. Эти странные люди, очевидно, не знают рукопожатия. Переводчик не пожал руку, как полагается, не приподнял большого пальца, чтобы я мог вложить мою руку. Он просто поднес мне ее с таким видом, как-будто я должен был произвести над ней какую-нибудь операцию. Окружающие молчаливо наблюдали эту церемонию.

— Здравствуйте,—сказал он, как иностранец, точно выговаривая каждое слово.—Я историк. Меня зовут Эль. Мы хотим знать, кто вы, откуда, как вы прибыли сюда и какая цель вашего прилета?

— Гм! «Цель прилета». Очевидно, они не знают другого способа сообщения, как по воздуху. Однако, что я могу ответить ему?

— Я уже сказал вам, что я из Москвы. Больше я ничего не знаю. И я очень желал бы скорее вернуться в Москву.

— Вернуться в Москву?—Эль обернулся к толпе и, очевидно, перевел мой ответ. Пыльщики слышали восклицания удивления и смех.

Я начинал сердиться.

— Право, в этом нет ничего смешного,—сказал я Элю.—И я, с своей стороны, просил бы вас ответить мне, кто вы и где я нахожусь. Как называется этот народ, в каком государстве он находится?

— Не сердитесь, прошу вас,—ответил Эль.—Я вам объясню потом, почему ваш ответ вызвал смех. Отвечу по порядку на ваши вопросы.

— Мы—граждане...—он несколько запнулся,—чтобы быть вам понятным, я скажу, что мы граждане паневропейского и паназиатского Союза Советских Социалистических Республик.

— Эс-эс-эс-эр?—воскликнул я.

— Почт так,—улыбаясь ответил Эль.—Город этот, если теперь можно говорить о городах, называется Радиополис,—город радио.

— А Москва далеко?

— В трех минутах лета.

— Летим скорее туда! Я хочу...

— Не так скоро. Вы еще посмотрите на нашу Москву. А пока нам нужно о многом переговорить с вами и многое выяснить. Надеюсь, что к утру все уладится.

— Арест?—спросил я.

Эль в задумчивости поднял глаза вверх, с видом человека, желающего что-то припомнить, потом вынул из кармана маленькую книжку, полистал ее («словарь»,—подумал я) и ответил с улыбкой:

— Нет, не арест. Но простая мера предосторожности. Исключительный случай. Скоро вы все узнаете. Я прилечу ровно в полночь, то-есть в десять часов.

— Значит раньше?

— Это и будет ровно в полночь. У нас десятичный счет времени. А вас пока проводит Эа.—И Эль что-то сказал Эа.

Эа, красивый юноша, подошел ко мне и, приветливо кивнув головой, жестами предложил идти за собой. Протестовать? Возражать? Что могу я сделать, один против всех? Я ползлся, едва поспевая, за своим легконогим «конвоиром», как мысленно назвал я его, в боковую аллею. Встречные бросали на меня взгляды удивления и любопытства. Очевидно, их поражал мой костюм.

Скоро мы вышли на небольшую площадку в дубовом лесу. Среди площадки стояло несколько маленьких авиоток неизвестной мне конструкции,—с двумя пропеллерами, впереди и сверху, но без крыльев и без мотора. Мой путник указал на место для меня и уселся сам. Лететь, так лететь! Я последовал за ним. Эа нажал кнопку: верхний пропеллер почти бесшумно завертелся, и мы быстро начали отвесно подниматься.

Полет наш продолжался не более минуты, но, вероятно, мы достигли большой высоты, так как даже в своем суконном костюме я почувствовал холод.

Вдруг сбоку от нас псказалась огромная круглая площадка, неподвижно висающая в воздухе. Мы поднялись еще выше и спустились на площадку. Посреди нее стояло круглое железное здание с куполообразной крышей.

— Всздушная тюрьма!—подумал я.—Отсюда не убежишь. Странные эти люди: не знают слова «арест», а строят такие тюрьмы, которым позавидовали бы строители Бастилии!

Мой молодой спутник ушел, оставив меня одного. Я подошел к краю площадки,

1) Разъездные за работой на дороге Батум—Тифлис. 2) Принял почту (ст. Изюм).

обнесенной железной оградой, посмотрел вниз и невольно залюбовался.

Здесь, наверху, еще ярко светило солнце, а внизу уже легли синие тени. Вся видимая площадь до горизонта напоминала шахматную доску, с черными клетками лесов и более светлыми—полей. Какая-то река или канал прямой, синевато-серебристой лентой прорезывал эту шахматную доску. Домов не было видно в синеве сумерек.

Повернувшись вправо, я увидел нечто, заставившее меня вскрикнуть. В лучах заходящего солнца сверкали золотом главы кремлевских церквей: Иван-Великий, соборы, Кремль. Нет никакого сомнения, это—Московский Кремль. И все же это был не тот Московский Кремль, который знал я. Я не находил многих кремлевских зданий. На их месте стояли неизвестные мне церкви или приземистые терема. И вся площадь Кремля блестела, как будто она была покрыта снегом. Нельзя было узнать и Москва-реки. Ее, очевидно «выравнили». Языи совсем не было видно. Я напрягал зрение, пытаюсь рассмотреть Москву с этой высоты. Но Эа легко коснулся моего плеча и жестом предложил следовать за ним. Я повиновался и, вздохнув, переступил порог моей тюрьмы.

Странная, необычная тюрьма! Огромный круглый зал был залит светом. Все стены уставлены шкапами с книгами. Перед полками расставлены столы с какими-то неизвестными инструментами, похожими на огромные фотографические аппараты и микроскопы. А всю середину комнаты занимал огромный телескоп. Или у них особая система содержания преступников, или... или у них совсем нет тюрем, и меня поместили в обсерватории, в наиболее надежном от побега месте. Так оно и оказалось.

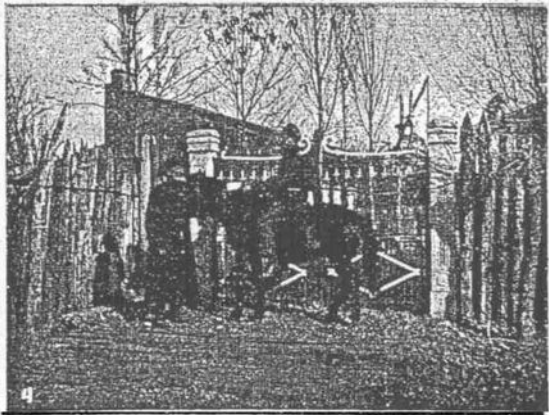
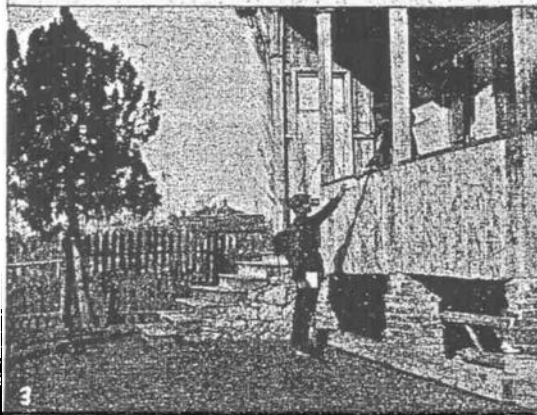
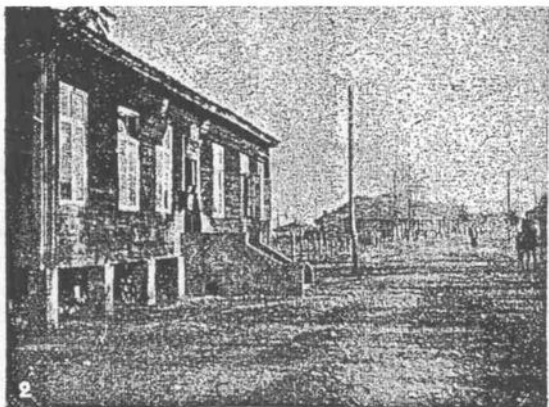
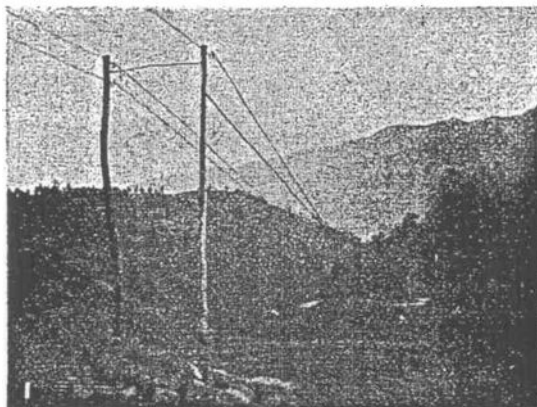
Ко мне подошел пожилой, но бодрый и жизнерадостный человек, с несколько монгольским типом лица, такой же безволосый, как и Эль. Он радушно поднял руку в знак приветствия и с хорошо скрытым любопытством изучал меня. Я постарался скопировать его приветственный жест. Рядом с ним стояла девушка,—как решил я,—в голубой тунике. Она также поздоровалась со

мною. Затем пожилой человек указал мне на дверь в соседнюю комнату, куда я и прошел в сопровождении Эа. Она была также круглая, но поменьше. Здесь не было инструментов. Комната была обставлена простой, но удобной мебелью и служила, очевидно, гостиной или столовой. У стены стоял небольшой белый экран из какого-то металла, в квадратный метр, и около него—какой-то лакированный ящик.

Эа предложил мне сесть. На этот раз я охотно выполнил его предложение. Я чувствовал себя несколько усталым. Этого мало: я хотел есть. Как бы мне объясниться? Я просительно посмотрел на Эа, поднес руку к открытому рту и стал жевать. Эа подошел ко мне и внимательно посмотрел в рот. Он не понял меня, и, очевидно, думал, что у меня что-нибудь болит. Я отрицательно замотал головой и начал выразительно жевать и глотать. Удивительно непонятливый народ. Я изощрял все свои мимические способности, Эа с напряженным любопытством наблюдал за мною. Наконец, он, повидимому, понял и, кивнув головой, вышел из комнаты. Я вздохнул с облегчением. Но мне скоро пришлось разочароваться. Эа принес на золотом блюдечке облатку какого-то лекарства и маленькую рюмочку воды, чтобы запить это снадобье. Признаюсь, я, помосковски, сделал довольно энергичный жест рукой, выразивший мою досаду, и резко отстранил тарелочку. Эа не обиделся, а скорее опечалился. Потом он вдруг поднес свою руку с телефонным аппаратом, прирепленным к ладони, и что-то сказал. Мгновенно свет погас.—Рассердился!—подумал я. Но тотчас белым светом загорелся экран, и на нем я увидел угол комнаты и сидящего в кресле Эя. Изображение было так реально, что мне казалось, будто я вижу сквозь открывшееся окно соседнюю комнату.

Эль поднялся, подошел к самому экрану и, глядя на меня, улыбаясь спросил:

—Что у вас случилось? Вы голодны? Почему вы отказались от таблетки? Ее нужно проглотить, и вы утолите голод. Мы не жуем,—только глотаем. Вот почему Эа и не поняла вашей мимики.

1) Телегр. линия Самтреди—Чохатаури. 2) П.-т. агентство по дороге Чохатаури—Озургеты. 3) Сельский письмоносец из Самтреди на работе. 4) Конный сельский письмоносец из Самтреди.

— Но я... не привык к такой пище,—смущенно ответил я, удивляясь, вместе с тем, почему Эль сказал про юношу: «Эа не понял».

— Завтра мы вам приготовим что-нибудь получше, по вашему московскому вкусу,—опять улыбнулся Эль,—а сегодня уж поужинайте таблеткой. Я буду в десять,—напомнил он.

Экран погас, свет в комнате вспыхнул.

Я, улыбаясь, кивнул головой Эа, взял таблетку, проглотил и запил водой. Таблетка была ароматична, оставила приятный вкус во рту. Не прошло минуты, как я почувствовал приятную сытость и стал жестами благодарить Эа. Он улыбался с довольной улыбкой.

Он или она? Этот вопрос интересовал меня. Все эти новые «москвичи» так мало отличаются друг от друга и по сложению, и по костюму, что трудно различить пол. Как бы мне спросить Эа? Если они говорят на эсперанто, то... надо вспомнить. В эсперанто много латинских корней. Мужчина, муж—по латыни *vir* (вир). Попробуем.

— Вы *ви*ро? (Вы мужчина?).

Эа рассмеялась, отрицательно качала головой и шаловливо выбежала из комнаты. Кто бы мог думать? Совсем мальчишка!

Поужинав таблеткой, я вышел на площадку. На ней никого не было. Уже спу-

стилась ночь. Было прохладно. По темносинему небу шли шесть перекрещивающихся огромных светящихся полос, которые скрывались за горизонтом. Точно легкая, золотая, куполообразная арка покрывала землю. Это было изумительно красивое зрелище. Только гигантские, сверхмощные прожекторы могли создать эти огненные реки. Когда глаз несколько привык к свету, я увидел, что по золотым рекам плывут золотые корабли,—длинные, сигарообразные воздушные суда, снующие, как челноки, с изумительной быстротой.

Полюбовавшись этим сказочно-прекрасным зрелищем, я обратил внимание на какой-то предмет, напоминавший большой сложенный шелковый мешок. Этот мешок был укреплен на довольно высоком шесте, и от него спускалась на площадку веревка. Несколько таких мешков висело и в других местах у края площади. Из любопытства я дернул веревку. Вдруг, прежде, чем я успел сообразить, меня дернуло вверх. Я не успел выпустить веревку из рук. Мешок поднялся, с шумом раскрылся в огромный парашют и метнулся за борт воздушной площадки вместе со мной. Я похолодел от ужаса. К счастью, я заметил нечто в роде трапеции, болтавшейся рядом со мною. Я поспешил усесться на нее и полетел в бездну.

(Продолжение следует).

ТЕЛЕФОНИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ.

Рабочие с учмехом и техн. руководителями 18-го уч. Сев.-Кавк. Округа перед отправкой на работу.

РАДИОПОЛИС.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ТРЁХ ЧАСТЯХ

А. Беляев.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЕВРАЗИЯ.

II.—Самая короткая ночь.

Это была самая короткая ночь в моей жизни,—так быстро пролетела она, наполненная самыми необычайными впечатлениями.

Неожиданно сорвавшись на парашюте с площадки воздушной обсерватории, я скоро привык к своему положению летчика поневоле и с интересом смотрел вниз. По мере того, как я опускался, быстро теплело. Легкий ветер относил меня в сторону,—по направлению к Кремлю. Невдалеке от него я увидел рощу кипарисов, среди которой стоял прекрасный белый греческий храм, освещенный взойшедшей луной. Эти кипарисы, росшие на открытом воздухе рядом с кремлевскими стенами, поразили меня. Но я тотчас забыл о них, привлеченный новым зрелищем. Парашют перенес меня через кремлевскую стену со стороны Боровицких ворот, и я опустился... на площади, покрытой снегом. Не веря своим глазам, я взял снег рукою. Это был настоящий, холодный снег; но он не таял ни от окружающего теплого воздуха, ни даже от моей горячей руки. Что за невероятные вещи творятся здесь!

Я посмотрел вокруг. Стояла необычайная тишина. Луна золотила купола церквей и зажигала синие искры бриллиантов на запыленных снегом крышах древних теремов. В одном из них, в маленьком окошке со слюдой вместо стекла, светился желтоватый огонек. Но на улицах никого не было видно. У Красного крыльца стояли два бородатых стремянных ¹⁾, в теплых кафтанах, отороченных мехом и в меховых остроносовых шапках. Опираясь на бердыши ²⁾, они дремали.

Стараясь не разбудить их, чтобы вторично не подвергнуться аресту, я осторожно обошел их по скрипевшему снегу и побрел к центру Кремля, стараясь, но безуспешно, разрешить загадку, что все это значит. В каком же веке я живу?

Мои размышления были неожиданно прерваны Элем, который буквально свалился с неба,—так быстро он спустился на своих крылышках.

— Вы наделали мне очень много хлопот,—сказал он, с укоризной глядя на меня. Вы хотели бежать?

Я смутился и стал уверять, что все вышло случайно, из-за моего неосторожного любопытства.

Вслед за Элем спустилась на небольшой авиэтке Эа.

— Ну, хорошо,—поспешно ответил Эль.—Садитесь скорее, летим.

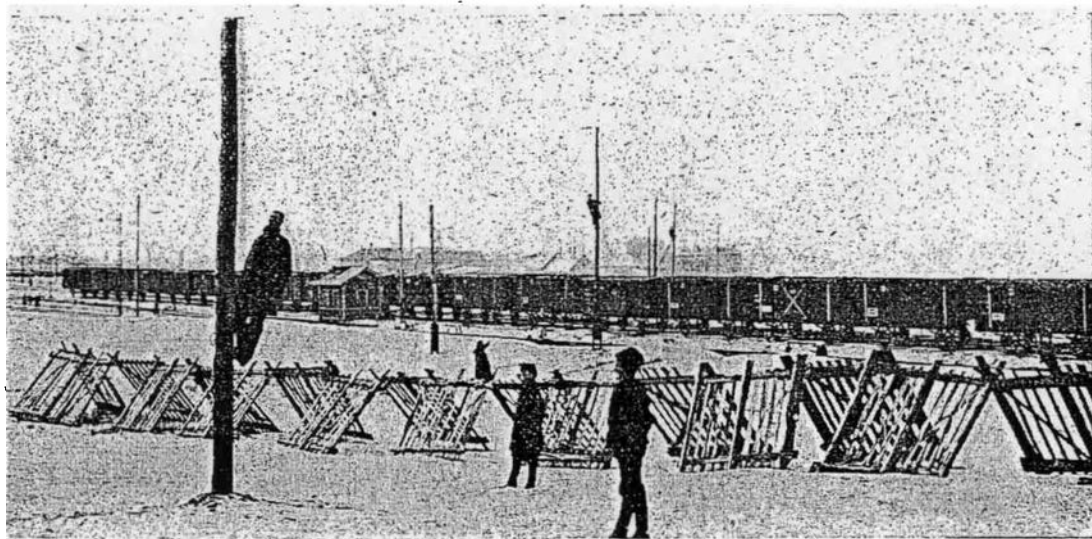
Я не успел притти в себя, как уже вновь был водворен на мою воздушную тюрьму,—в небольшую круглую комнату.

Эль, Эа и я усадились в плетеные кресла у круглого стола. Эль хмурился и как будто ждал чего-то. Где-то послышался очень мелодичный музыкальный аккорд. Как будто искусные, легкие пальцы пробежали по струнам арфы. Аккорд прозвучал и замер.

— Десять часов. Полночь. Это пробили радио-часы,—сказал Эль, обращаясь ко мне. И приложив руку ко рту, он задал кому-то вопрос на своем лаконическом языке. Потом кивнул головой,—очевидно, на полученный от-

¹⁾ Стрельцы, составлявшие стражу царя.

²⁾ Топорики на длинных, ровных гопорихах (древках).

Перевод проводов через полотно Донецкой ж. д. у станции Матвеев Курган.

вет. Как же он слышит?—подумал я, глядя на Эля. И тут я заметил в его ухе, несколько ниже слухового отверстия, небольшой черный предмет, величиной с горошину. Это и был, очевидно, слуховой аппарат.

Дверь комнаты открылась, и в нее вошла девушка Ли,—ассистент астронома Туна, как решил я. Она подала Элю чей-то портрет и, сказав что-то, вышла. Эль кивнул головой и стал глядеть попеременно на принесенный портрет и на меня.—Сличает!—подумал я.—Из уголовного розыска, вероятно, прислали. Недостает, чтобы я оказался похожим на какого-нибудь преступника! Но слова Эля успокоили меня.

— Да, ничего похожего,—сказал он, передавая мне карточку.—Только что получена по радио из Америки.

Меня поразила художественность выполнения портрета. Лучший фотограф Москвы позаивидовал бы такой работе. Но сам портрет заставил меня улыбнуться. На нем был изображен человек, кستم которого напоминал вязаную дамскую «комбинацию» из шерсти. Сходство дополнял вязаный из такой же материи колпачек. Шея неизвестного была завязана шарфом до самого подбородка. Довольно большая голова, не только без бороды и усов, но и без бровей, с очень маленькими носом и ртом, напоминала ребенка с старческим выражением лица. Только в нескольких прищуренных глазах светились недетский ум и хищность зверька.

— Что все это значит?—спросил я Эля, окончив осмотр портрета.

— Так выглядят американцы,—сказал Эль, беря портрет из моих рук.—А дело вот в чем. Мы получили сведения, что к нам послан шпион. В этот самый момент появились вы...

— И вы решили?..

Эль пожал плечами.

— Понятная предосторожность. Наступают тревожные времена. Вероятно, вновь придется

создать Военно-Революционный Совет,—вам знакомо это слово?

— Разумеется. А у вас нет его?

— Уже много лет в нем не было нужды.

— А теперь?

— Теперь он вновь стал нужен. Повидимому, вы, действительно, человек из далекого прошлого. Наши ученые раз'яснят эту згадку. А пока я могу дать вам некоторые пояснения. Я вижу, вы ходите как в темном лесу.

— Признаюсь, я многого не понимаю, и очень хочу услышать ваши пояснения, но нельзя ли отложить их до завтра, я смертельно устал и... сон одолевает меня...—Я зевнул во весь рот. Эль с любопытством посмотрел на меня.

— Неужели у вас так страшно раскрывали рот, когда вам хотелось спать? Это называлось, кажется, зе...зе...

— Зевать.

— Да, да, зевать. Я читал об этом.—Эль вынул из кармана изящную коробочку из лилсвого металла, раскрыл ее и протянул мне.

— Проглотите одну из этих пилюль, и ваши сон и усталость исчезнут.—И заметив мое колебание, он поспешно сказал:

— Не бойтесь, это—не наркотик, который искусственно поднимает нервы, в роде ваших ужасных папирсс. Это—пилюли, нейтрализующие продукты усталости. Они безвредны и производят то же действие, что и нормальный сон.

Я проглотил пилюлю и вдруг почувствовал себя свежим, как после хорошего, крепкого сна.

— Ну вот, видите. Зачем терять непроизводительно треть жизни на сон, если это время можно провести более продуктивно. Теперь вы расположены слушать меня?

— Горю нетерпением...

— Так слушайте же.—И, усевшись удобнее в кресле, Эль начал:

— Много лет тому назад революционные потрясения прокатились по всей Европе и Азии. Революции нигде не проходят бес-

Развозка на тамбурах телефонных проводов от села Матвеев Нурган до с. Больше-Крепкая.

кровно. Теперь, когда все это стало предметом истории, мы можем только сказать, что чем «культурнее» была страна, тем больше было крови и жестокости. В странах высоко развитого капитализма господствовавший класс, в борьбе за существование, пускал в ход всю свою истребительную технику, все ужасные средства разрушения. Я не буду перечислять вам этапов этой ужасной, но и великой эпохи. Государства захлебывались в кровавом потоке. Население некоторых стран, во взаимном истреблении, убавилось наполовину. Когда битва была проиграна капиталистами, они сами стали взрывать фабрики и заводы, чтобы их богатство не досталось врагу.

Европа лежала в развалинах, покрытая трупами, кровью, пеплом пожарищ... Только некоторые небольшие государства пострадали менее: когда борьба была решена в пользу рабочих в первоклассных государствах, правящий класс некоторых небольших государств принужден был сдать власть без боя. Сохранившиеся фабрики и заводы этих государств были единственными источниками в Европе, которые могли быть использованы новым правительством для удовлетворения главнейших нужд населения. И если бы не могучий Союз Советских Социалистических Республик, ставший к тому времени цветущей и богатой страной, который широко пришел на помощь революционной Европе и Азии, положение их было бы еще тяжелее.

— А Америка?

— В Америке революция задержалась. Американские капиталисты посылали свой флот в помощь европейским «братьям», но флот был разбит красными английскими, немецкими, французскими и русскими моряками. Тогда испуганные американцы поспешили убраться, предоставив события в Европе собственному течению и не теряя надежды пасть на гибели экономической мощи своих

заантлантических соседей. Однако, эти надежды «янки», как звали вы американцев, не оправдались. В Европе революция победила. В самой Америке начались рабочие восстания. Америке приходилось подумать о себе. Американские денежные короли вспомнили вдруг доктрину Монро о невмешательстве Европы в американские дела. «Америка для американцев», — и издали закон, воспрещавший какие бы то ни было сношения между Европой и Америкой. Первая революционная вспышка в Америке была подавлена беспощадно: триста тысяч рабочих было сожжено испепеляющими газами. Несчастные буквально превратились в прах менее чем в минуту. Несмотря на строжайший кордон, в то время некоторым рабочим удавалось пробраться сквозь все заграждения и добраться до нас. Их вид был ужасен, их рассказы — еще ужаснее. Они зывали о помощи. И мы, конечно, не отказали в этой помощи.

Эль печально опустил голову и замолчал. Я с нетерпением ожидал продолжения рассказа.

— Мы не в силах были помочь... Американская техника в это время вполне владела новым, ужаснейшим орудием истребления — лучами смерти. Отправленный нами соединенный флот так и не увидел врага: он был испепелен в открытом море невидимым противником. Никто не вернулся из этой экспедиции, кроме одной подводной лодки, которая случайно избежала действия лучей, может быть, только потому, что плыла слишком глубоко. Экипаж лодки рассказывал ужасные подробности. Из своих окон, которыми снабжены наши подводные лодки, осветив прожектором мрак глубин океана, морьки видели падающий дождь из обломков кораблей, целые тучи рыб без голов или с наполовину сожженным туловищем, случайно уцелевшие части человеческого тела... Все обитатели моря, попадавшие в смертонос-

Налево — рабочие натягивают телеф. провод. Направо — первый разговор по телефону из с. Матвеев Курган.

ную зону, испекались. Вода в океане бурлила и, вероятно, на поверхности превращалась в пар. Даже на большой глубине, на которой находилась подводная лодка, вода нагрелась так, что моряки едва не погибли. Но действие дьявольских лучей, очевидно, не только тепловое. Они разрушают ткани живого организма ультра-короткими электроколебаниями.

— Это имеет связь с радиоволнами?

— Увы, это все то же радио, но примененное для целей разрушения...

— И чем же все это кончилось?..

— Это было только начало. Мы пытались применить воздушный флот. В то время и у нас техника уже была высоко развита. У нас уже имелись воздушные суда, действовавшие по принципу полета ракет. Эти суда могли подниматься выше слоя воздушной атмосферы, то-есть, на много выше двух тысяч метров. Мы надеялись напасть на врага врасплох «с неба». Но враг был хорошо подготовлен. Очевидно, по всем границам Америки от земли вверх были направлены те же невидимые, но смертоносные лучи. Едва наши воздушные суда, сделанные из особого металла, вошли в эту завесу, как были превращены даже не в пепел, а в пар...

Нужно ли говорить о других наших попытках?.. Мы пытались использовать радио для связи с американскими революционерами. Ответа от них мы, конечно, и не ожидали. Было ясно, что все мощные передающие радиостанции — в руках правительства, а частные, на коротких волнах, запрещены. Но мы надеялись отсюда организовать силы восставших или хотя бы поднять их боевой дух. Однако, и это пришлось оставить... Скоро все пришлось оставить, — сказал Эль, мрачно нахмурившись.

— Мы получили ответную радио-телеграмму из... Вашингтона. Это тоже уже было давненько, и многие забыли текст телеграммы. Но мне, как историку, она хорошо памятна:

«Правительство Соединенных Штатов Северной Америки предлагает Европейско-Азиатскому Революционному Комитету прекратить всякие попытки вмешательства во внутренние дела С.-А. С. Ш. и ждать ответа в течение двенадцати часов. В случае неудовлетворения этого требования или оставления его без ответа С.-А. С. Ш. примут меры, которые будут иметь самые тяжкие последствия для народов Европы и Азии».

Вот такая радио-телеграмма была получена нами.

— И что же вы ответили на нее? — спросил я.

— Мы ничего не ответили.

— Правильно!

— Да, правильно. Но ровно через двенадцать часов, минута в минуту, страшное бедствие пронеслось по всем странам Европы и Азии. Через сороковой меридиан северной широты, — по Испании, Италии, Балканам, Малой Азии, Туркестану, Китаю и острову Ниппон в Японии, без единого звука пронесся смертоносный луч, испекающий на своем пути, в полосе ста километров шириной, все: дома, людей, животных, нивы, хлопковые поля, леса...

— Да вот, посмотрите, — сказал Эль. Он подошел к распределительной доске и нажал несколько кнопок с цифрами, потом повернул рычаг. Свет погас, и экран ожил. Я увидел видеть кинофильму, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Это были не «движущиеся картины», — это была сама жизнь. Иллюзия была полная.

Вот улица какого-то города...

— Испания, — тихо сказал Эль.

...Все дома вдоль улицы наискосок были как будто срезаны каким-то невидимым пожом, открывая внутренние комнаты, как театральные декорации. Там, где прошел ужасный луч, остались лишь груды развалин, кучи пепла и мусора. Кое-где валялись части че-

ловеческих тел,—тех людей, тело которых случайно было задето лучом только частью. Все, попавшее в действие луча, испепелилось. Местами догорали пожары. Я слышал треск пламени, падение стен. Уцелевшие обезумевшие люди ходили среди этих развалин, тщетно пытались разыскать своих родных; они рыдали, кричали, посылали кому-то проклятья... Вот пробежала, с растрепанными волосами и безумными глазами женщина.

— Аугусто, Аугусто!—кричала она. И вдруг, повернувшись прямо ко мне лицом, истерически захохотала...

Я слышал ее смех, слышал вопли людей. Зрелище было потрясающее. Невольно я отшатнулся.

— Снято несколько часов спустя после катастрофы,—взволнованно проговорил Эль.

Он повернул рычаг, и на экране появилась новая картина.

— Все, что осталось от итальянского городка Маратеа, у залива Поликастра,—сказал Эль.

Несколько пальм у груды развалин, двое черномазых, кудрявых детей и старуха в желтых лохмотьях. У одного ребенка были отожжены ноги по колено. Он лежал без сознания. Мальчик постарше смотрел на него с молчаливым ужасом, а старуха, склонившись над ребенком, раскачивала седой, взлохмаченной головой и выла протяжно, надрывно, как воют собаки... Рядом, с оскаленными зубами и большими остекляевшими глазами лежала ослиная голова,—одна голова... Побуревшие листья пальм шумели, шуршали гальки под набегающими волнами, составляя унылый аккомпанемент к однообразному, хватающему за душу вою старухи... Это было слишком...

— Я не могу больше,—тихо сказал я,—довольно!.

Эль вздохнул, повернул рычаг. Экран погас, и в комнате загорелся свет.

Подавленные этими воскресшими мгновениями истории, мы сидели молча.

— Я выдал не раз эти картины,—сказал, наконец, Эль,—но до сих пор не могу смотреть на них без глубокого волнения...

— Да, это ужасно,—ответил я.—Вот самая сильная агитация!

— Когда наша молодежь видит эти картины, она зажигается такой ненавистью и такой жадной борьбой, что ее трудно удержать от опростметчивых поступков и бесцельных жертв. Мы не часто показываем эти картины.

— Скажите мне, это—кино?—спросил я, когда волнение несколько улеглось.

— Комбинация звучащего кино и передачи движущихся изображений и звуков по радио. У нас есть центральный кино-архив, действующий автоматически. Я ставлю на этой доске номер, нужная мне кино-фильма автоматически подается в кино-аппарат, и он начинает работать на экране, установленном в кино-архиве. При помощи радио изображения и звуки передаются в любое место.

— Поразительно. И что же было дальше? — Что могло быть после всего, что вы сами видели? Дальнейшее упорство с нашей стороны могло погубить всю Европу и Азию. Мы вынуждены были послать радио-телеграм-

му о том, что подчиняемся ультиматуму Америки.

Нам не легко было справиться с возбуждением граждан, многие из них хотели бороться до конца. Нам удалось убедить их, что мы не отказываемся от борьбы, но отказываем ее, пока в состоянии будем бороться равным оружием. И наши инженеры не мало поработали над изобретением этого оружия. В этом отношении мы многим обязаны Ли. Это гениальный юноша.

— Ли? Ассистент астронома Туна? В голубой тунике? Разве это—не девушка?

Эль улыбнулся.

— Нет. Это юноша,—вернее, молодой человек. Мы не скоро старимся. Сколько, вы думаете, может быть мне лет?

— Тридцать пять, самое большее сорок,—сказал я.

— Восемьдесят шесть,—улыбаясь ответил Эль.—Ли тридцать два, а За—двадцать пять.

Я был поражен.

— И что же изобрел Ли?

— Он изобрел средство заграждения от дьявольских лучей. Они больше не страшны нам. Он нашел секрет и самих дьявольских лучей. Мы сравнялись силами.

— И теперь можете начать борьбу?..

— Не совсем. Их лучи не пробивают нашей невидимой брони, а наши—их. Мы стали взаимно неуязвимы друг для друга, но и только. И все же борьба продолжается. Не так давно каким-то чудом, пробрался к нам из Америки еще один беглец—негр. Он работал на береговых заграждениях, на восточном берегу северной Америки. Произошла порча аппарата, излучающего заградительные лучи. Воспользовавшись этим, негр бросился в океан, долго плыл, пока его не подобрала какая-то лодка, и наконец, достиг наших берегов. Он сказал, что, несмотря на все жестокости, на неслыханное подавление рабочих, в Америке идет подпольная революционная работа. Революционеры проникли даже в береговую охрану. И нам удалось завязать с ними сношения. Мы узнали, что Америка, опасаясь нашей помощи их революционерам, замышляет истребить нас изнутри. Убедившись, что их лучи безвредны для нас, американские капиталисты решили отправить к нам шпионов, узнать наши военные силы и средства, а затем, переправив сюда своих агентов с истребительными лучами,—уничтожить на месте «очаг революции».

— Европа и Азия! Хороший «очаг»!

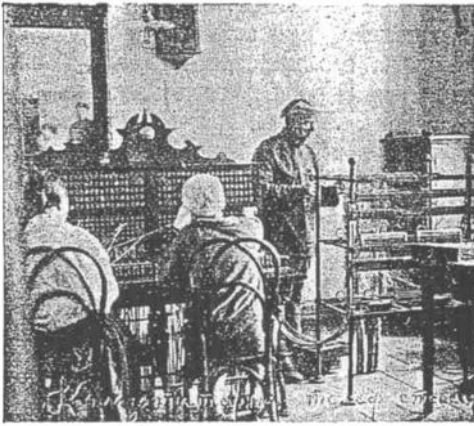
— Да, уничтожить большую половину мира. Перед этим они не останутся! Но мы тоже не сидим сложа руки. Ли близок к разрешению задачи найти орудие, пробивающее все заградительные средства американцев.

Дверь открылась, и в комнату вошли Ли и За. Лицо девушки было озабочено. Ли шепнул что-то Элю.

Обратившись ко мне, Эль сказал:—Важные новости,—мы, кажется, напали на след нашего американца. Я должен оставить вас. Займитесь пока изучением языка. Через два-три часа я прилечу за вами.

И эти удивительные люди быстро удалились.

(Продолжение следует).

Налево — телефонная станция. Направо — радиостанция.

РАДИОПОЛИС.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ТРЕХ ЧАСТЯХ.

А. Беляева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЕВРАЗИЯ.

III. В стране воспоминаний.

Было раннее утро, когда я вышел на площадку обсерватории. Наше воздушное жилище сияло в лучах восходящего солнца, как болид, а внизу Радиополис еще тонул в синеватой предутренней мгле.

— Доброе утро! — услышал я около себя голос Эа. Она говорила на своем языке, но теперь я овладел им в совершенстве.

Этот язык, — еще более простой, чем эсперанто, — я изучил в одну ночь при помощи «механического учителя», или люксофона, который представляет собою ящик с рупором и экраном. На экране появляется изображение. Рупор называет предмет, экран дает буквенное изображение названия. Главный секрет этого ящика в том, что он излучает особые электроволны, которые способствуют закреплению памяти зрительных и слуховых впечатлений.

— Доброе утро, — ответил я девушке. — Эль обещал сопровождать меня сегодня. Но его, вероятно, что-то задержало.

— Вот он летит, — ответила Эа, глядя в раскрывавшуюся под нами бездну. Я еще ничего не видел.

— Скажите, как держится в воздухе это воздушное сооружение? — спросил я.

— Пропеллеры, помещенные под площадкой, держат его, а жироскопы придают полную горизонтальную устойчивость. Вполне капитальное сооружение. На всякий случай мы все же держим здесь несколько парашютов.

— На одном из которых я и совершил свое невзлое путешествие?

— И очень счастливо для первого раза, — улыбаясь ответила Эа.

— Но ведь, чтобы приводить в движение пропеллеры, надо сильные моторы и для них — целые склады горючего?..

— У нас энергия для всех двигателей передается по радио, — ответила Эа.

— Опять радио!..

Внизу послышались легкий шум и голос Эль.

— Доброе утро! Надевайте скорее крылья, летим в страну воспоминаний.

Я надел принесенные мне Эа крылья, Эль осмотрел широкие ремни, крестообразно стянутые на груди и сделал мне указания, как управлять этим необычайно простым по конструкции летательным аппаратом.

— Попробуйте подняться и опуститься на площадке, — сказал он.

Не без волнения повернул я рычажок у левого бедра. Суставчатые крылышки, как у летучей мыши, затрепетали у меня за спиной, и я почувствовал, что почва уходит у меня из-под ног. Инстинктивно я расставил руки и ноги, как бы готовясь упасть на четвереньки. Вид мой, вероятно, был очень смешон, я слышал заглушенный смех Эа.

— Держитесь прямой! — командовал Эль. — Правый рычаг. Поворот. Больше. Так. Отдача. Левый рычаг назад.

Я плавно опустился.

— Хорошо. Можем лететь.

Я и Эль подошли к краю площадки, вспрыгнули на ограду и... бросились вниз. Это было мое третье воздушное путешествие, которое оставило во мне самое сильное впечатление. Мне приходилось когда-то летать на аэропланах. Но разве можно сравнить ту громоздкую, грохочущую машину моего времени с этими крыльями, которых не ощущаешь. Впервые я почувствовал себя летающим человеком, легким и свободным, как птица.

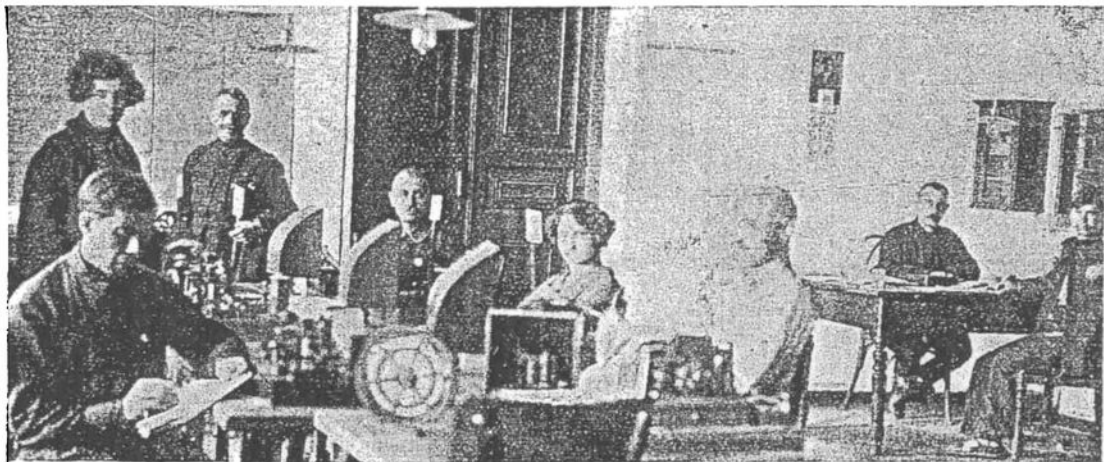
Несколько секунд полета, — и мы оставили освещенное солнцем пространство и погрузились в синие сумерки.

Эль летел рядом, несколько впереди, направляя свой полет к Кремлю.

Скоро под нами показался уже знакомый мне греческий храм в кипарисовой роще.

Наши крылья так незначительно шумели, что мы могли свободно разговаривать.

— Эти кипарисы, — я указал на рощу, — ставлены на лето из оранжерей?

Работа телеграфного отдела.

— Нет, они свободно растут здесь. Мы изменили климат. Чему же вы удивляеесь? Мы могли отеплить наши широты разными способами. Но для этого оказалось достаточно одной лучистой энергии солнца. Вы знаете, что на один квадратный километр эта энергия, использованная только на десять процентов, сможет произвести работу, равную семидесяти пяти тысячам лошадиных сил. Мы же получаем в одном Туркестане тысячи миллионов лошадиных сил этой энергии. Вполне достаточное количество, чтобы не только «огреться», но и приводить в действие все наши машины.

Башни Кремля промелькнули под нами.

— Мы реставрировали прошлое век за веком. Вся старая Москва,—ваша Москва,—превращена в музей. Перелетая из квартала в квартал, вы будете как бы перелетать из века в век. Перед вами пройдет все характерное для данного времени,—от архитектуры, до мелочей быта.

Эль был прав. Мы, действительно, перелетали «из века в век». Заходили в терема и видели тучных бояр, пировавших за столом, азиатскую роскошь палат и убогие лачуги черного люда. Мы видели и застенки, с их дыбами, кобылами и другими орудиями пыток... Бояр сменили екатерининские вельможи. Чем дальше шли мы, тем больше лянля, чернели костюмы. Чиновный люд дореформенной России, мрачные своды приказов, с их «черной неправдой». Еще дальше,—на общественную арену выступает новая сила,—жирное, «именитое» московское купечество... самовары, пуховые подушки, образа в красном углу... Чем ближе к моему времени, тем большее любопытство охватывает меня. Конец девятнадцатого века. Екатерининская площадь. Убогие кляченки везут конку. Скамейки наполовину пусты. Бороды, картузы, волосы в скобку.

— Лошади — движущиеся манекены, — поясняет Эль.

...Красная Пресня в огне декабрьского восстания... Война, революция... А вот и Москва, которую я оставил так неожиданно...

По Арбату, звеня и громыхая, идет переполненный свыше меры трамвай. Как рой пчел на ветке дерева, висят пассажиры у задней площадки... Глаза невольно ищут ми-

лиционеру.. Вот слышится его свисток...

Вдруг, без видимой связи, Эль сказал:—Да, да. Я очень рад. Только машина? Интересно посмотреть.—И обращая ко мне, он сказал:

— Ли сообщает, что он нашел разбитую летательную машину,—очевидно, американского шпиона,—зарытую в песке недалеко от Красного моря.

— Но, ведь, оно находится за тысячи верст, а Ли только вчера был с нами.

— Для нас почти не существует расстояния,—ответил Эль. И, вынув из кармана прибор, напоминающий цейсовский бинокль, он покрутил окуляры, глядя на деление с цифрами, и посмотрел в него, потом передал мне.

Я увидел песчаный берег у моря. Из груды песка виднелись части какого-то сломанного аппарата, рядом стоял Ли и смотрел в такой же бинокль по направлению ко мне. Очевидно, увидав меня, Ли улыбнулся и приветливо замахал кистью руки. Я ответил ему.

— Я уже не удивляюсь дальности рассогнания ваших биноклей. Но как они могут видеть то, что лежит за горизонтом, сквозь толщу земли,—и только то, что нужно.

— Они видят то, что нужно, при помощи точной наводки. А преграды никакой и нет. Изобретение передается радиоволнами.

— Опять радио?

— Да, опять. Однако, летим!—И мы полетели осматривать новую для меня Москву.

— Поднимемся выше! Вот этот участок—Москва второй половины двадцатого века. На ряду с американскими многоэтажными небоскребами вы видите и те дома, которые стояли в ваше время. Здесь уже имеется целая сеть подземных железных дорог и начата постройка городской рельсовой—воздушной. Москва к этому времени давно вышла из старых городских границ и широко разлилась во все стороны. В начале двадцать первого века мы строили небоскребы, но мы отделяли их друг от друга большими незастроенными участками. Смотрите.

Странный вид представляла эта новая Москва. На огромном пространстве возвышались, симметрично расположенные, как верстовые столбцы, небоскребы в несколько десятков этажей, с плоскими крышами.

— Для посадки воздушных судов,—пояснил Эль.

Прибытия городской почты с вокзала.

— Нельзя сказать, чтобы этот город выглядел очень красиво,—невольно сказал я, глядя на унылую площадь, утыканную домами-столбами.

— Зато более гигиенично, чем скучность старых городов. Когда мы начали строить Москву небоскребов, у нас было много споров о том, строить ли эти «особняки», или приступить к построению «городов-домов», где многомиллионное население могло бы жить буквально под одной крышей. Спор начали наши врачи-гигиенисты, которые предостерегали от увлечения «урбанизмом», предрекая физическое вырождение населения в слишком искусственных условиях жизни этих городов-домов. Но мы тогда еще не были богаты, чтобы покончить с городами. Эти особняки-небоскребы были компромиссом.

— Покончить с городами?

— Да, и мы покончили с ними. Если вы пролетите от «Москвы» к «Ленинграду», вы найдете сплошные сады, поля и раскиданные среди них белые домики, но городов не найдете нигде.

— Но ведь, вы непронизительно заняли огромную земельную площадь, которая могла бы пойти под посевы!

— Вы не представляете себе успехов нашей культуры. На квадратном метре мы добываем продуктов питания больше, чем вы добывали на своей де...десятине. Кстати, откуда произошло это слово? Корень, повидимому, «десять?».

— Не знаю,—смутившись, ответил я. Эль улыбнулся.

— Кроме того, мы изготавливаем пищу химическим путем. У нас и сейчас парков и цветников больше, чем полей. Да, многое изменилось за эти годы.

Мы плавно опустились на зеленую лужайку. Среди этой лужайки, на песчаном круге, стоял какой-то сигарообразный, серый предмет, напоминающий «цеппелин», но значительно меньших размеров. Около «цеппелина» была Эа. Она еще издали махнула рукой Элю и крикнула.

— Скорее, надо спешить!

Я и Эль, даже не снимая крыльев, вошли в «цеппелин». Эа последовала за нами и плотно захлопнула толстую дверь.

Вспыхнул яркий свет, озарив мягкие кресла, стол, экран в углу.

— Это наша «Пушка»,—самый скорострельный летательный аппарат.

Эа пршла вперед, за лакированную перегородку. Оттуда послышалось гуденье, и я заметил, как поднялась передняя часть нашего воздушного судна.

— Летим,—сказал Эль.

— Почему здесь нет окон?

— Они не нужны: скорость и высота полета так велики, что вы все равно ничего не увидите.

Куда еще лечу я? Что ждет меня впереди?..

IV. На берегу Красного моря.

Мы мчались на нашем воздушном снаряде, который был одновременно и пушкой и ядром. Было тихо. Только за перегородкой что-то тихо жужжало.

— Что это—свет погас?!

— Не беспокойтесь, я хочу посмотреть на карту,—сказал Эль. Перед ним вспыхнул бледным светом квадрат, на котором обрисовались очертания какого-то моря.

— Эта карта движется?

— Да, она движется потому, что мы летим. Наша карта—сама земля. Вот очертания...—как это вы называли?—Азовского моря, вот Черное. Мы прслетаем над ним.

— Уже! Так скоро...

— Турция. Скоро мы увидим Красное море.

— Но как же можете вы обходиться всем без карты?

— Эа направляет наш воздушный корабль по радиокompасу. Ли посылает радиоволну, а мы летим в этом направлении, как бабочка на огонек. Ошибки быть не может. Впрочем, мы можем, если нужно, справиться по карте и компасу.—И, нагнувшись над другой картой, Эль сказал:

— Двадцатый градус северной широты и сороковой—восточной долготы. Мы в окрестностях Мекки. Скоро будем на месте.

Мы плавно спустились.

Эа открыла дверь нашего снаряда, и мы вышли.

Ли приветствовал нас.

— Вот, полюбуйтеесь,—сказал он, указывая на обломки.

Выход городских письмоносцев в разносу.

На самом берегу моря, в буром песке лежали эти обломки воздушного корабля, — обугленные и настолько искалеченные, что невозможно было определить его конструкцию. Нос корабля, вероятно, не менее чем на три метра врезался в песок, подняв вокруг значительную воронку.

— Сами посудите, можно ли было спастись при такой катастрофе. Американский шпион погиб. На этот раз мы можем быть спокойны и не продолжать наших поисков, — сказал Ли.

— Да, конечно, — сказал Эль и, взобравшись на воронку, стал обходить ее, внимательно осматривая.

— Подойди сюда, Эа. Что ты видишь? Девушка вошла на насыпь вокруг упавшего снаряда и посмотрела вокруг. Она задумалась, очевидно, отыскивая, что привлекло внимание Эля.

— Я вижу, что от центра воронки к краю дальше идут углубления, которые... гм..., пожалуй, можно принять за следы.

— Следы? — спросил Ли. — Неужели?

— Ходил ли здесь кто-нибудь? — спросил Эль.

— Нет, место совершенно пустынное. На насыпь никто не поднимался.

— А вы?

— Я всходил только вот с этой стороны. Эль прошел по песку.

— Вот, видите, — сказал он, — песок очень зыбкий, он осыпается и не дает отчетливых следов. Если же еще, поднимая ногу, помешать песок вот так, концом ноги, то получатся совершенно такие же впадины.

— Что же вы предполагаете? — спросил смущенно Ли.

— Я предполагаю, мой милый, но близорукый друг, — ответил Эль, — что наш американский шпион здоровствует.

— Но не мог же он уцелеть в этой катастрофе. Или американские кости прочнее дюралюминия, а тело в огне не горит? — уже несколько обидчиво сказал Ли.

— А кто вам сказал, что здесь произошла катастрофа? — возразил Эль. — Все могло произойти очень просто. Мистер шпион благополучно опустился на своем аппарате, вылез, потом взорвал аппарат.

— Но как же он тогда вернется?

— Он, или они, могли прилететь на двух воздушных судах и пожертвовать одним, чтобы «замести следы».

— А другой?

— Другой может быть в другом месте. Однако, продолжим наш осмотр.

Мы пошли по следам, внимательно осматривая их. Следы шли в сторону по песчаной равнине и в нескольких метрах пропадали. На этом месте в песке было небольшое углубление.

— Провалился сквозь землю? — улыбаясь спросил я.

— Наоборот, поднялся от земли на крыльях. Положение осложняется. Местные жители лучше нас знают окрестности. Надо предупредить их, — сказал Эль.

— У меня в Мекке есть приятель-шахматист. Вызвать его? — предложил Ли.

— Отлично, — ответил Эль.

Скоро Вади (так звали приятеля Ли) был с нами.

— Вы знаете о прибытии американских шпионов? — спросил Эль.

— Ли сообщил мне.

— Они опустились недалеко отсюда и, по видимому, улетели. Их надо разыскать во что бы то ни стало.

Вади кивнул головой.

— Сообщите по радио по всей Аравии. Ищите везде. Мобилизуйте пионеров, — у этих ребят острый глаз. Общайте каждую складку гор, каждый куст.

Вади еще раз кивнул головой, глядя в небо. Вдруг он схватил Эля за руку.

— Смотрите, Эль, этот воздушный корабль мне не нравится.

Все устремили взоры на небо. Эль поспешил вооружиться биноклем.

— Да, это — не нашей конструкции. Дайте сигнал тревоги.

Неизвестный воздушный корабль, вычертив в небе полукруг, скрылся за горизонтом. Вади что-то сказал в кулак, и через минуту, как испуганная стая птиц, от земли с разных мест поднялись аэропланы и полетели вслед за улетавшим воздушным кораблем.

(Продолжение следует).

Вот как об этом говорится в актах:

Итого оказалось по всем магистралям и ветвям в городе: упавших и сломанных столбов 67, наклонившихся столбов 180, сломанных и согнутых рельс 42, сорвано оттяжек и подпор 22, изогнуто и сорвано траверз 105, сорвано кронштейнов междугородных и кабельных 12, разбито изоляторов 143, повреждено воздушного кабеля 86 метров, оборвано проводов 165 км, и ко всему этому все остальные провода сильно обтянуты.

За городом по телефонным и телеграфным магистралям: сломано столбов

87, сильно наклонено 600, оборваны провода в 357 пролетах, и здесь так же, как и в городе, провода разрегулированы на всем протяжении участков.

Территория, охваченная гололедом, сравнительно незначительная: от Новороссийска до Геленджика—около 36 верст и от Новороссийска до Тоннельной—около 18 верст.

Пока еще не закончено восстановление и не подсчитаны убытки, но при самом скромном предположении, принимая во внимание режим экономии и прочее, общий расход материалами и деньгами будет близок к десяти тысячам рублей.

РАДИО ПО Л И С.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ТРЕХ ЧАСТЯХ.

А. Белыева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЕВРАЗИЯ.

V. Белый домик.

В тот вечер американской воздушной лодке удалось ускользнуть от преследования благодаря быстро наступившей темноте. На время пришлось отложить поиски, и Ли любезно предложил мне отправиться к нему.

— Вот мы и дома—сказал Ли, опускаясь на площадку у белого домика со сплошным окном—стеною на юг. Как только Ли ступил на площадку, над нею загорелась матовая лампочка. В доме также появился свет.

— Вас ждут?

— Нет, свет зажигается автоматически, как только я опускаюсь на землю. Нам нужно умыться с дороги и переодеться. Я вас проведу сначала в ванную комнату.

Обойдя дом, Ли открыл дверь.

— Прощу вас.

Я вошел в очень маленькую комнату-коробку, в которой было не более двух квадратных метров. Голые стены, только небольшая ящичек в углу.

«Нельзя сказать, чтобы эта передняя была уютна»,—подумал я.

Ли очень плотно закрыл за собой дверь, подошел к шкафчику и вынул оттуда две противогазовые маски. Подавая одну из них мне, он сказал:

— Во избежание появления эпидемий, хотя у нас о них не слышно,—каждый из нас, вернувшись из далекого путешествия, считает своим долгом подвергнуться дезинфекции. Увы, наш организм не приспособлен к борьбе с болезнями в такой мере, как это было у наших предков. И поэтому мы все внимание сосредоточиваем на предупреждении болезней. Насморк нас укладывает в постель. Что же делать? Надо беречься.—И он надел маску на лицо, приглашая меня последовать его примеру. Потом повернул маленький кран,

вделанный в тот же ящик, где хранились маски, и комната вдруг наполнилась белым, как молоко, газом. Через три минуты так же быстро воздух очистился. Ли зажег какую-то металлическую спичку. Она вспыхнула голубым огнем. Он кивнул головой и снял маску.

— Осталось газу ровно столько, чтобы продезинфицировать наши дыхательные пути. Теперь идем в ванну.

Он открыл дверь, и я был поражен. Ванная, вся залитая золотистым светом, была огромной по величине для частной квартиры. Пожалуй, ее и неверно назвать ванной. Среди этой комнаты был такой большой бассейн, что в нем можно было плавать. В одной стороне комнаты стояла черная эбонитовая площадка с креслом и чем-то в роде зонтика без материи над этим креслом, а рядом—какой-то шкаф.

— Садитесь—сказал Ли.—И, осмотрев меня, продолжал:—Вам лучше снять волосы, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Представление о красоте изменилось в связи с тем, что физическая природа наша кое-что потеряла в новых условиях культуры. Мы все более теряем волосы, теряем зубы. Вы уже знаете, что мы не едим твердой пищи. Нам не нужны зубы. Естественно, что без работы они должны атрофироваться.

— Но у вас есть зубы. Они искусственные?—спросил я.—Значит, ваша новая эстетика делает исключение для «звериных» зубов?

— Не совсем так. Зубы отвратительны. Но они еще не исчезли у нас совершенно, хотя и очень слабо держатся. Через несколько поколений люди станут совершенно беззубыми, нижняя челюсть превратится в маленький придаток.

— И это будет красиво?

— Для своего времени, конечно.

— Представляю,—сказала я улыбаясь,—что какой-нибудь Пракситель, — гениальный

скульптор будущего,—высечет из мрамора статую идеала женской красоты...

— Она будет иметь огромную голову без волос, маленький подбородок, рот без зубов, почти мужское телосложение, очень тонкие ноги и руки, пальцы без ногтей.

— Какое безобразие!—невольно воскликнул я.

— Если бы горилла-самец мог говорить, то при взгляде на статую Венеры Медийской он, вероятно, также воскликнул бы: «какое безобразие!»—и перевел бы влюбленный и полный восхищения взгляд на свою четверорукую, мордастую, косматую спутницу жизни,—ответил Эль.—Все условно в этом мире, мой друг. Изменяются звезды на небе, изменяется лицо земли, изменяется человек, изменяются и его понятия о прекрасном. Мы теряем то, что нам перестает быть нужным.

Мы хуже слышим, чем вы, а вы—гораздо хуже, чем наши далекие предки каменного века. Нас уже не подстерегает хищник за каждым кустом.

Мы все близоруки. Дальновзоркость не нужна была человеку города. Его взгляд вечно упирался в стены. Мы живем свободнее. Наши горизонты шире. Мы стали существами летучими. Зоркое зрение нам опять стало нужным. А в природе так: если орган нужен, если он начинает усиленно работать, он и развивается усиленно. И я думаю, наши потомки, которые, быть может, в воздухе будут жить больше, чем на земле, вновь приобретут зоркость орла. Но мы унаследовали от вас, людей с ограниченным кругозором,—близорукость. И боремся с ней. Ваши очки не удовлетворяют нас. С ними много хлопот: они могут разбиться. И мы просто оперируем глаза, вставляя себе новый хрусталик.

— Итак—закончил Ли,—займемся вашим туалетом. Гм... у нас нет парикмахеров,—ведь у нас волосы просто не растут, нет ножниц и бритв. Положим бритву можно было бы достать из музея. Но ведь, это целая операция. Можно порезаться, кровь, заражение крови... брр... Лучше я вам вызову продукт для уничтожения волос.

«Вызову продукт для уничтожения волос»,—что за странное выражение—подумал я. А Ли подошел к распределительной доске, скрытой цветами, и, что-то сказав, нажал несколько кнопок. Не прошло минуты, как в стене открылась не замеченная мною ранее дверца, и там стояло нечто в роде пульверизатора.

— Откуда это?—спросил я.

— Прислали из склада по автоматической почте.—Взяв в руки пульверизатор и обернув меня простыней, он спросил:

— Позвольте?

— Пожалуйста,—покорно ответил я и зажмурился, ожидая, что меня начнут опрыскивать. Но Ли только овеял меня какой-то прямо пахнувшей струей воздуха. И этого было достаточно, чтобы мои волосы упали столы, как подрезанные, а лицо имело гладко выбритый вид.

Ли остался доволен своей работой.

— Отлично. С волосами вы разделались на всю жизнь и, право же, так выглядите гораздо лучше. Теперь я вам вызову костюм

нашего покроя. Дайте я сниму с вас мерку. Вот так. У вас почти один размер со мной. Какой цвет вы предпочитаете?

«Хорош бы я был в голубеньком, чорт возьми»—подумал я.

— Черный, серый, оливковый.

— Хорошо. Я вызову. А пока вы разденьтесь и поплавайте в бассейне. Белье можете опустить вот в этот люк в полу. Оно через пять минут будет выстирано, выглажено и уложено в этот ящик.

Ли вышел.

Я разделся и стал спускаться по белым ступенькам к воде. Но едва пальцы моей ноги коснулись воды, я вскрикнул от неожиданности, почувствовав уколы тысячи иголок.

— Простите,—услышал я голос Ли около себя, хотя его не было в комнате,—я забыл предупредить вас—вода электризована. Мы не можем обойтись без этого; электричество это—массаж для наших нервов. Я сейчас уменьшу ток.

Ли вошел, повернул рычаг, разделся и бросился в воду.

Поплавав и понюхав мы вышли. Ванна чудодейственно освежила меня.

— Теперь вот сюда—продолжал Ли распоряжаться мною—пройдите к этому шкапу. Это, так сказать, автоматический доктор-контролер. Дайте вашу руку. Так. Это—сюда.

Ли приложил к моему пульсу и сердцу пластинки, прикрепленные к шнурам, и погасил свет.

На экране появилась светящаяся кривая линия, она отмечала удары моего сердца.

— Да, сердце у вас немного не в порядке.—сказал Ли.—Посмотрим желудок, легкие.—

На экране появилось изображение моих внутренних органов.

— Легкие в порядке. Но желудок сильно сокращается. Очевидно, на одном химическом питании пилюлями вам трудно существовать—организм еще не привык.—Ли быстро поднялся и оделся в чистую голубую тунику.

— А вот вам,—сказал он, подавая мне такую же тунику из серебристой ткани.

Я оделся. И когда посмотрел в большое зеркало, вделанное в стене, не узнал себя.

«Покажаться бы на Кузнецком в таком виде»—подумал я.

— Теперь пять минут отдыха. Ложитесь на это плетеное кресло и спрашивайте,—с улыбочкой сказал Ли.

Действительно, я только и делал, что спрашивал.

— Эль говорил мне,—начал я,—что у вас нет правительства—нет служащих, чиновников. Но как же вы ведете свое хозяйство? Вот вы «вызвали» мне костюм. Значит, должен же кто-то вести счет?

— Учет у нас поставлен так образцово, что вы не можете и представить. Но все это делается очень просто и механически. Я «вызываю» нужную вещь.. Механически она подается из склада и присылается по автоматической трубе. Одновременно счетчик отмечает отлущк этой вещи. Тот же автоматический счетчик подводит итоги. И к концу года мы знаем, какая у нас потребность в том или ином предмете, какой годовой прирост, сколько надо заготовить для буду-

щего. У нас нет меняющихся «мод», и некоторые запасы переходят из года в год. Так во всех предметах потребления — вплоть до летательных машин.

— Но должен же быть какой-нибудь контроль. Разве у вас не бывает злоупотреблений?

Ли в недоумении поднял брови.

— Какие могут быть злоупотребления? Я вызыву себе лишнюю воздушную лодку? Зачем она мне? Разве я могу полететь сразу на двух? Продать я также никому не могу, во-первых, потому, что у нас нет денег, а во-вторых, потому, что каждый сам может взять, что ему нужно. По этой же причине нет никакого смысла красть или присваивать. У нас совсем нет преступлений этого рода. Это то что мы «нравственней» вас, а просто эти преступления потеряли всякую цель. Мы имеем все, что нам надо.

— Ну-с,—сказал Ли, вставая—продолжим нашу беседу в семейной обстановке. Сейчас я познакомлю вас с своей женой, хотя она сейчас и далеко от нас. Уже два года, как она на Южном Алтае. Врачи прописали ей горный воздух. Но ведь для нас почти не существует расстояния. Мы часто навещаем друг друга, а видимся и говорим не реже того, как если бы мы жили в одной комнате.

— Вообще вам надо твердо понять одну вещь: никогда еще,—по крайней мере, у нас в Европе, Азии и Африке,—человечество не жило такой дружной, сплоченной семьей, несмотря на то, что отдельные члены этой многомиллионной семьи физически в большей степени разбросаны, чем раньше. Мы находимся в постоянном общении. У меня есть друзья везде — от полюса до полюса, с которыми я веду непрерывно беседы. У нас часто бывают собрания, «сезды», где мы обсуждаем наши общественные дела. Но все это мы делаем, если хотим, не выходя из комнаты.

VI. Все вижу, все слышу, все знаю.

Мы вошли в смежную с ванной комнату. Она была втрое меньше и совершенно лишена мебели. Голые стены, без единого выступа, украшения...

— Ваше жилище очень скромно,—сказал я. — Зато удобно и гигиенично.

Ли нажал ногой на одну шашку паркетного пола, и вдруг из-под пола поднялся круглый стол на круглой колонке и два стула.

— Садитесь — сказал Ли.

Свет в комнате погас, и у противоположной, мгновенно осветившейся, стены я увидел женщину. Ли сказал:

— Ин, вот человек из прошлого, с которым ты хотела познакомиться.

— Здравствуйте — сказала Ин, радушно улыбаясь — Но вы... тоже без волос?

— Я... остриг волосы,—ответил я, вставая и приближаясь к молодой, красивой женщине и по привычке протягивая руку. Но она не поднимала своей руки, и я вспомнил, что у этих новых людей рукопожать не принято. Я сделал еще шаг и вдруг стукнулся голо-

вой о невидимую преграду. Женщина рассмееялась, но тотчас сдержала свой смех и обратилась к мужу:

— Ли разве ты не предупредил нашего гостя?..

— Я полагал, что он уже привык к нашим экранам,—сказал Ли.

— Опять экран! Я был уверен, что вижу живую женщину, а не ее изображение.

— Дети будут сегодня?—спросил Ли.

— Ко сказал мне, что он сторожит в Аравии,—во что бы то ни стало хочет первым разыскать шпиона из Америки, а Цаль...

— Вот и я...—и к столу подошел еще один «призрак» — молодой юноша, очень похожий на Ли.

Ли познакомил меня с сыном.

— Вы еще учитесь?—спросил я юношу.

— Почему «еще»?—ответил он вопросом. — Потому, что вы еще молоды. Учитесь в какой-нибудь школе или университете?— вот что я хотел спросить.

— В школе? Университете?—опять с недоумением спросил юноша.

«Неужели у Ли такой глупый сын?»—подумал я. Но скоро мне пришлось убедиться, что я был не прав со своим поспешным заключением.

— Он не понимает вашу мысль потому,—вступился за сына Ли, как бы угадавший мою мысль, что у нас нет школьного возраста и нет школ.

И, видя мое изумленное лицо, Ли раз'яснил мне:

— Еще ваше время ставило себе задачей приблизить школу к жизни. На этом принципе вы строили трудовую школу. Нам удалось осуществить этот принцип. Школа и жизнь слились у нас воедино, или, если хотите, жизнь и практика стали нашей единственной школой.

— Но теория?

— Она изучается также, но это изучение не отрывает от жизни.

— Надо вам сказать, что управление нашими машинами столь несложно, что даже подростки справляются с ними и делают это очень охотно. И даже, стоя у «станка», они могут слушать лекции по радио.

— Опять радио!

— Да, именно радио уничтожило школу, какую она была в наше время, когда она, в большей или меньшей степени, отрывала от жизни. Радио учит нас от колыбели до крематория. Мы учимся всегда и всюду. Мы пополняем свои знания на работе, если она не требует особого внимания, и на прогулке, дома и во время воздушного путешествия слушаем лекции величайших ученых, мы присутствуем при опытах, мы следим за формулами, появляющимися на экране. Только там, где нужен непосредственный опыт, мы прибегаем к колбам, станкам, сверлам. Но они всегда к нашим услугам в заводских лабораториях, а отчасти и на дому. Для химических опытов мы, например, всегда можем вызвать на дом все нам необходимое.

— Вы, вероятно, еще больше удивитесь — сказала Ин,—если узнаете, что мы почти не читаем книг.

— Да, это верно,—подтвердил Ли,—мы больше пользуемся звуковой передачей.

— Но как выделить из радиопередачи то, что вам нужно? Ведь, у вас одновременно должны действовать сотни радиостанций?

— Каждая радиостанция действует на своей волне, а длина этих волн теперь различается не только метрами, но сантиметрами и даже миллиметрами. Мы совершенно легко выделяем нужную станцию, если даже длина волны ее отличается от волны другой станции всего на несколько миллиметров.

— И потом,—деловито заявил Цаль, сын Ли,—этих станций не так уж много, как вы предполагаете. Наша сеть радиостанций построена на системе поясного времени, или, иначе сказать, по градусам долготы,—одна станция на двадцать градусов, так как время отличается на час,—считая на ваше время,—через каждые двадцать градусов. Поэтому от западного берега Африки до восточного Азии у нас существует всего десять главных радиоустановок, которые направленными радиоволнами и наполняют каждая свои двадцать градусов долготы от полюса до полюса. Есть, правда, еще центральные радиостанции, радиус действия которых распространяется на всю нашу территорию. Но мы пользуемся ими только для связи с десятью поясами.

— Ты еще не сказал о радиостанциях для передачи энергии—добавил Ли,—но с ними я еще познакомлю вас. Да, радио внесло огромные изменения во всю общественную жизнь,—изменения, о которых вы, вероятно, не смели еще и мечтать. Радио упразднило необходимость физического скопления людей. Это было огромным гигиеническим завоеванием, не говоря об общественном значении его. Радио уничтожило старую школу. Но радио уничтожило и старый театр, кино. У нас нет душных, переполненных публикой, кино, театральные и концертные зал, аудиторий.

— Почему бы нам и не познакомить сейчас нашего гостя с театром?—предложила Ин.

— Отлично,—согласился Ли,—для этого нам ненужно бежать за билетами и тащиться на ваших ужасных трамваях.—И, обратившись к Ин и Цалю, Ли сказал:

— Мы будем смотреть вместе на втором экране.

Вторая белая стена комнаты вдруг, как по волшебству, превратилась в сцену,—если только то, что я видел, можно назвать сценой. Такого художественного богатства, такой обстановки, таких сценических и световых эффектов я не только нигде не видел, но и не предполагал, что они могут быть. Мелодичная музыка сопровождала игру актеров. Это был новый род искусства. Речь переходила в пение—и тогда казалось, что идет опера; жесты и движения были естественны, но так слиты с музыкальным фоном, что это можно было бы назвать каким-то новым балетом. Свет менял свою окраску вместе с мелодией и казался светящимися звуками.

Я сидел как очарованный и был огорчен, когда экран погас.

— Вот мы и побыли в театре,—сказал Ли.

— Наши театры совсем не имеют зрительного зала. У них только огромная сцена, еще

большее помещение для декораций и машин. У нас только десять театров.

— По поясному времени?

— Да, тоже по поясному. Только десять групп, но зато все они состоят из первоклассных артистов. Как видите, искусство так же стало достоянием всех, как и наука. Неужели? Я слушаю. Восемь Д, шесть? Ход коня? Совершенно верно.—И, обратившись ко мне, Ли сказал:

— Мой друг Вадн—завзятый шахматист—сообщил мне, что он разрешил задачу, которую я задал ему.

— А где он сейчас?—спросил я.

— Выслеживает американского шпиона, летая над Красным морем.—Да, шахматы,—продолжал Ли.—Не умирающая игра. Но и они уже не удовлетворяют нас. Мы исчерпали почти все возможные комбинации. Всякая новая является событием. У нас есть новые развлечения, новые виды спорта и искусства, которые, к сожалению, не доступны вам. Мы например, испытываем настоящее эстетическое наслаждение, следя за ходом разрешения проблем высшей математики. Наши математические гении увлекают нас своим творчеством едва ли не в большей степени, чем вас увлекали ваши «божественные» тенора. В этой скромной комнате мы можем иметь все, что дает искусство, знание, жизнь. Каждый из нас может сказать: «Все вижу, все слышу, все знаю». По крайней мере, могу знать все из сокровищницы науки.

Речь Ли была прервана каким-то странным звуком, напоминавшим отдаленный фабричный гудок. Этот звук почему-то встревожил всех... Ли, Ин и Цаль сосредоточенно замолчали. И в наступившей тишине прозвучал голос.

— «Алло. Говорит Радиополлис. Всем! Нам удалось получить радио из Америки. Рабочие восстали на заградительных радиосоружениях, захватили в свои руки береговую радиостанцию и успели нам сообщить, что, несмотря на ужасный террор, восстание разрастается. Просят о помощи. Последние слова радиотелеграммы: «Гибнем от дьявольских лучей. Помогите остав...»—на этом радио окончилось.

Поблдевший Ли поднялся..

— Несчастные.. Они сожжены этими дьявольскими лучами. Больше медлить нельзя. Надо создать военно-революционный совет.

— Но кто же его будет собирать? Значит, у вас все-таки есть какой-то руководящий центр?—задал я вопрос Ли, не будучи в состоянии освоиться с мыслью о том, что у них нет никакого правительства.

— Руководящий центр? Он был нам не нужен в мирное время, теперь от будет. Это будет ясно каждому гражданину так же, как и мне. Ведь мы при помощи радио находимся в постоянном общении. У нас, конечно, есть люди, которые выделяются над другими характером и интеллектом. Их радиоречи могли послужить известной подготовкой общественного мнения. Но они скорее лишь разъясняли, как специалисты в своей области, о положении вещей, чем «делали политику». «Политика» делается сама, благодаря общности интересов.

— Но выборы?

— Нет ничего легче. В каждой области есть свои люди, наиболее авторитетные благодаря своим знаниям и талантам. Каждый гражданин называет своего кандидата по радио, особый аппарат автоматически регистрирует число голосов и через какую-нибудь минуту дает результат—подсчитанные голоса. По три представителя на область—больше нам не нужно—вот вам и расширенный совет. Члены совета с своей стороны выбирают по радио же исполнительный орган, из трех человек,—вот и все.

— А как делаются ваши области?

— Ну, конечно, тоже по градусам долготы. Некоторая разница в величине территории прибрежных местностей не имеет значения.

И, обратившись к экрану, Ли сказал:

— Мы еще увидимся сегодня.

Жена и сын кивнули головой. Экран погас. Ли спешно подошел к стене и, открыв что-то в роде форточки, назвал три имени и, несколько волнуясь, прошелся по комнате.

Через несколько минут рупор стал называть имена. Среди этих имен я услышал имена Эля и Ли.

— Избраны в совет,—пояснил Ли.

Затем он опять назвал несколько имен. Опять через несколько минут послышался голос из рупора.. На этот раз я услышал всего пять имен, и среди них опять-таки был Ли.

— Член тройки?—догадался я,—поздравляю.

— Поздравлять, пожалуй, не с чем. Современную войну решают инженеры,—ответил он.—Как инженер, я пользуюсь известностью, и выбор пал на меня. Но это—тяжелое бремя.. Надо привести в боевую готовность наши силы, которые до сих пор служили мирному труду. Летим со мной, кстати вы осмотрите наши силовые установки.

Однако в эту ночь нам не удалось осмотреть силовые установки.

Вади за решением шахматных задач не забывал зорко наблюдать за горизонтом. Скоро он сообщил, что неприятельская воздушная лодка вновь появилась в небе, что эскадрилья арабов гонится за ней, но отстает.

— Лодка летит на север.. Попытайтесь отрезать ей путь..

Через несколько минут я и Ли уже летели на нашей воздушной лодке навстречу врагу. Вади по радио руководил нашим полетом.

Сидя в кресле воздушной лодки, Ли «присутствовал на заседании» Военно-Революционного совета, переговариваясь по радио.

Когда заседание окончилось, я спросил Ли, не опасается ли он, что их «подслушают».

— Помимо того, что американцы сами возвели преграду для наших радиопередач, у нас есть средство, совершенно исключающее возможность подслушивания. Для этого мы пользуемся мешающими токами.

Ли осветил доску своеобразного перископа, и мы увидели приближающуюся лодку вра-

га и за ним, как стая птиц, аэропланы, следовавшие его. Вдруг один аэроплан вспыхнул и стал падать.

— Несчастные, они погибли!—воскликнул

— Кажется, нет—ответил Ли.—Американец сжег лучами только крылья аэроплана.

— Но летчики падают.

— Это не страшно.

— Как не страшно?—Но прежде, чем я задал вопрос, я уже видел, что летчики раскрыли крылья за спиной и стали плавно снижаться.

— А что, если американец пустит испепеляющий луч в нашу лодку?—спросил я с тревогой.

— Ее поверхность неуязвима. Мое изобретение,—скромно сказал он.

Началась бешеная погоня. Американцы летели на север. Наша лодка не отставала. Когда наступило утро, я увидел в перископ белые пространства.

— Снег?—спросил я..

— Да, мы за полярным кругом. Мистер шпион, повидимому, направляет свой путь в Америку через северный полюс.

Скоро мы вошли в полосу сплошных туманов и туч. Даже сильный прожектор не мог обнаружить врага.

Скоро нам сообщили, что лодка обнаружена позади нас, значительно южнее. Она шла на значительной высоте, но ее сумели обнаружить.. Мы полетели на юг. Целая эскадрилья таких же неуязвимых для дьявольских лучей лодок окружила врага.

— Вы можете испепелить лодку шпионов?—спросил я.

— Она так же неуязвима для дьявольских лучей, как и наша.. Мы можем только бросить обыкновенный взрывчатый снаряд.

Очевидно видя себя окруженной со всех сторон, лодка шпиона вдруг произвела совершенно неожиданный для меня вольт: она пошла вертикально вверх.. Наши лодки последовали за нею..

Мы переместились на корму. Пилоту, очевидно, было трудно управлять в таком положении.

— Куда же он? На Марс?—спросил я.

— Немного пониже,—улыбаясь, ответил Ли. К счастью или сожалению, и его, и наша лодки построены не по принципу ракет, которые могут действовать в безвоздушном пространстве. Они действуют винтом особого устройства. Смотрите, он замедляет путь. Воздух становится все реже и не служит опорой винту-пропеллеру.. Мы догоняем. Но нам надо подняться еще выше, чтобы бросить разрывной снаряд сверху. Вызвезет ли наша машина? Отлично! Он не идет дальше. Еще бы немного... Везет! Вот..

Но в этот момент воздушная лодка врага, как снаряд, грохнулась вниз, а вслед за ней полетели в бездну и мы..

(Продолжение следует).

РАДИОПОЛИС.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ТРЕХ ЧАСТЯХ

А. Беляева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЕВРАЗИЯ.

VII Солнце под ярмом.

Вражеский снаряд со всего размаха острым килем вонзился в поверхность какого-то моря. Наши суда, подобно чайкам, высматривающим рыбу, густой стаей закружились над волнами, некоторые из них ныряли в воду. Сквозь толщу воды пронеслись лучи прожекторов. Они пронизывали мрак подводных глубин во всех направлениях. Но противник, вероятно, укрылся в какой-нибудь котловине на дне моря, прижавшись ко дну, подобно камбале, и его не легко было найти. И все же его нашли. Я даже слышал сигнал, переданный другим судам. Вражеский корабль подняли на поверхность особыми рычагами, перенесли на сушу. Струя огня, пущенная с одного из наших кораблей, отрезала, как ножом, всю корму вражеского корабля. В открывшийся широкий вход проникло несколько человек. И я увидел лежащие на полу корабля одну руку и две пары человеческих ног,—все, что осталось от американских шпионов, которые случайно были в части корабля, срезанной пламенем...

— Нам здесь делать уже нечего. Необходимо осмотреть наши силовые установки.

Ли сказал несколько коротких фраз в рупор, дал пилоту направление, и воздушный корабль, начал винтом забирать высоту.

— Мы летим в солнечный край, который когда-то назывался Туркестаном,—сказал Ли.— Там мы добываем солнечную энергию. Но это далеко не единственный источник энергии. Если бы я стал описывать вам все способы добывания нами энергии, вам пришлось бы слушать не одни сутки. Довольно сказать, что каменный уголь давно оставили. Его осталось слишком мало. Притом добывание его, даже при наших усовершенствованных способах, сопряжено с наибольшим трудом. Кажется, не осталось ни одной силы природы, которую мы не использовали бы. Мы добываем энергию, пользуясь работой ветра. Мы покорили вулканические силы, заставили работать земной магнетизм и земные электрические токи. Нам служит атмосферное электричество. Даже грозу, которой некогда с ужасом поклонялись, как страшному богу, мы заставили работать на службу человечества. Морские волны, морские приливы и отливы—наши работники-богатыри. Я уже не говорю о водяных двигателях. Высоту культуры мы теперь измеряем по количеству потребляемых киловатт. И, я думаю, это самый верный и точный измеритель.

Все безграничное количество энергии, получаемой нами, мы перегоняем в центральные аккумуляторы и оттуда распространяем по радио во все уголки наших стран: по поверхности земли, в небо, где летают наши корабли, в глубину океана для наших подводных судов и даже под землю. Ну вот, мы, кажется, и прилетели,—сказал Ли.

Наш воздушный корабль мягко опустился, и я вышел из кабины.

Как ни хорошо освещалась внутренность корабля, я невольно прищурился от яркого солнца. Оно резало глаза до боли. Я бывал на юге. Но этот свет как-будто стал ярче, ослепительней.

— Наденьте темные очки,—сказал мне Ли, подавая очки.—Вы не привыкли к этому освещению.

Надев очки, я увидел, что ослепило меня не столько солнце, как огромные зеркала, отражавшие его. Эти зеркала имели форму усеченного конуса. По оси его были расположены паровые котлы, окруженные стеклянным футляром. Особое приспособление с часовым механизмом поворачивало зеркала вслед за солнцем.

— Видите, как все это просто,—сказал Ли,—зеркала, поставленные под углом, собирают солнечные лучи в один фокус и нагревают воду до точки кипения. Получается пар. Он приводит в действие электрические машины, а энергия, как я сказал вам, передается по радио.

К Ли подходили люди в таких же костюмах, как и он, ни лицом, ни наружностью не отличавшиеся от него. Ли говорил с ними о сложных технических вопросах, бросал непонятные для меня слова и термины.

Когда мы остались одни, я спросил:

— Вы разговаривали, вероятно, с инженерами. Но где же рабочие? Я хотел бы посмотреть на них.

Ли удивленно окинул меня взглядом.

— Рабочие? Каких таких особенных рабочих вы ищете? Мы все рабочие. Один из нас знает немного больше, другой меньше, один более талантлив, другой менее,—вот и вся разница.—Но вернее, пожалуй, сказать, что у нас все инженеры. Потому что каждый из наших рабочих знает больше, чем знали инженеры вашего века.

С нескрываемым удивлением смотрел я на работу этих «инженеров». Здесь никто не кричал, не распоряжался, каждый знал свою роль, все работало согласованно, как музыканты в оркестре без дирижера.

— Вы удивлены этой «концертностью»?—спросил меня Ли.—Да, тут есть маленький

секрет. Конечно, здесь большую роль играет простая привычка к коллективному труду. Вспомните хотя бы пчел, которые умеют так дружно работать, не мешая друг другу. Но у нас дело обстоит несколько сложнее. В тех случаях, когда нам надо срочно произвести работу, требующую участия рабочих масс, мы пускаем в ход передачу мысли на расстояние. Невидимый вами «дирижер» направляет и координирует действия отдельных работников и массы в целом.

— Передача мысли на расстояние?

— В этом нет ничего удивительного. Эль говорил, что и в ваше время уже знали, что всякая мысль сопровождается излучением электро-магнитных волн. Мы развили в себе высокую чувствительность к восприятию этих волн. И при помощи передачи мысли на расстояние нам удалось создать идеальные трудовые «артели».

— Но не подавляет ли это личность?..

— В вас еще не отмер индивидуалист, — улыбаясь ответил Ли. — У нас нет противоречия между личностью и обществом. Все, что полезно обществу, полезно и личности. — Настанет время, — предостерег задумчиво Ли, — и энергия мысли заменит собой радио. По крайней мере, в области обмена мыслями. Мы иногда и теперь прибегаем к этому способу разговоров.

Мы приближались к одной из установок станции. В этот момент за нами раздался чьи-то легкие, торопливые шаги.

— Ли! Ли!

Мы обернулись.

К нам быстро приближалась Эа.

Она отвела Ли в сторону и стала ему что-то говорить, так тихо, что я не смог разобрать ни одного слова. Ли, нахмурившись, молча слушал ее, кивая головой.

— Так, ну что ж!.. — сказал он и тихо, наклонившись ко мне, шепнул:

— Сейчас мы выступаем.

— Но почему вы шепчете, и почему вас не вызвали по радио? — спросил я.

— Момент слишком серьезный, — ответил Ли. — Как ни хорошо мы «зашифровываем» нашу радиопередачу, никогда нельзя быть уверенным в том, что наш враг не научился расшифровывать ее. Идем...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АМЕРИКА.

I. Последний бой.

В небе, насколько глаз хватал, видны были стаи птиц. Можно было подумать, что куда-то на ночлег слетелись со всего света вороны. Но это были не птицы, а воздушные корабли, среди которых был и наш.

— Атлантический океан! — крикнул Ли, стараясь перекрыть шум ветра за стенками нашего снаряда.

— Атлантический океан! Давно ли мы были в Туркестане? Решительно эти люди победили время.

Развернувшаяся внизу картина заставила меня вскрикнуть от удивления. Весь берег моря был заполнен необычайными существами, которых можно было принять за чудовищных вымерших животных. Это были какие-то странные пресноводно-воздушные жи-

вотные. Хотя они были похожи друг на друга, одни из них, дойдя до края отлогого берега, погружались в волны и, очевидно, продолжали свой путь под водой, другие плыли по поверхности воды, иные летели над океаном.

— Не правда ли, это напоминает картину первобытного мира? Стадо чудовищ каменного века идет на водопой! Это наши истребители. Они одинаково хорошо чувствуют себя на воде, под водой и в воздухе.

Их были тысячи, быть может, сотни тысяч. И тысячи воздушных кораблей реяли в воздухе. «Какая истребительная война! — подумал я. При таком количестве участников в один день могут погибнуть миллионы людей».

— Сколько человек насчитывает ваша армия? — спросил я Ли.

— Вы хотели спросить, вероятно: сколько киловатт? — ответил он вопросом-же.

Я посмотрел на него с недоумением.

— Эти орудия истребления таят в себе миллиарды киловатт энергии. А людей? Семьдесят три человека, считая и нас с вами.

— Но позвольте, кто же управляет всеми этими машинами?

— Эти машины не имеют людей. Небольшое же количество людей, составляющих всю нашу «армию», управляет движением машин на расстоянии, по радио.

— Так, значит?..

— Значит, это будет больше войною машин, чем людей. «Победит тот, у кого выше техника», — ведь так, кажется, говорили и в ваше время.

В этом новом для меня мире я совершенно потерял представление о времени. Побеждая огромными скоростями передвижения пространство, эти люди победили и время. Я не могу определить, сколько минут или часов продолжался наш полет над океаном. Мы как-будто в бешеной скорости хотели догнать солнце. Его последние лучи еще золотили высокие облака над нами, когда Ли сказал:

— Мы подлетаем к берегам Америки.

Я посмотрел на него и увидел, что против обыкновения, он был взволнован.

— Сейчас решится судьба мира, — сказал он. — Погибнем ли мы или погибнут наши враги, но земной шар больше не будет разделен на две половины. Но я уверен, что погибнут они. Мы не можем погибнуть потому, что за нами будущее, а они — последняя мрачная страница прошлого.

Не успел Ли сказать несколько этих фраз, как и я уже отчетливо увидел американские берега.

Еще несколько мгновений, и наши корабли уже летели над берегом, выползали из океана и быстро покрывали своими громадными, черными телами отлогий берег. Место было пустынное. Мы летели значительно выше, и я хорошо мог рассмотреть невеселый ландшафт. Берег отлого поднимался и переходил в обширную равнину, края которой пропадали во мгле надвигающегося вечера. «Не плохой плацдарм, есть где развернуться», — подумал я. — Но почему нет врага? Мы, очевидно, застали их врасплох.

Вспыхнули прожекторы, и сразу над равниной настал «голубой день». Яркий голубой свет осветил дали, и я увидел странное

явление: из-за далекого леса медленно, как слоны, двигались какие-то существа, напомиавшие гигантских сороконожек... Они направлялись к глубокой расщелине, пересекавшей равнину.

— Это мосты,—сказал Ли.—Очевидно, о нашем приезде уже узнали.

— Мосты? Ходячие мосты?

— Старая штука,—ответил Ли.—У нас вам разве не приходилось их видеть? Их устои подвижны, как ноги. Этими ногами, конечно, управляют люди. Управляют далеко отсюда. И мосты идут и становятся на место.

А мосты «молча», деловито продолжали свое шествие, дошли до расщелины и стали осторожно, как лошади, опускающая ноги в воду, нащупывать почву. В ту же минуту я заметил, что ноги «живых мостов» удлиняются, растут, пока не нащупают дна. Таким образом, они перебираются через расщелину, пока передний конец моста не ляжет на противоположной стороне. И мост готов. Не успели мосты наладить переправку, как из за леса появились огромные танки, ползущие по земле, а небо, как тучей саранчи, покрылось воздушными судами.

Мы спустились на землю. Наш воздушный корабль поместился в глубокую расщелину. Ли разложил перед собою карту боя. Это была особая, светящаяся карта, где отражалась вся картина боя. Вместе с тем, на карте имелись едва заметные кнопки.

Бой начался.

Впрочем, слово «бой» не подходило к тому, что я видел. Это была какая-то борьба стихий. В небе воздушные корабли столкнулись как две грозные тучи. Эти тучи изрыгали из себя снопы огня. Корабли сталкивались, разбивались в щепы и падали на землю ливнем металлических осколков и светящихся дождем расплавленного металла. Бешеным хороводом кружились стальные птицы в погоне друг за другом, смерчем поднимались выше облаков, опускались почти до земли, вихрем уносились в сторону и опять возвращались. Редеи тучи стальных птиц, пролившиеся обломками на землю, и вновь сгущались от новых налетевших кораблей. Им не было числа, не было конца.

То, что происходило на земле, было не менее страшно, изумительно, фантастично. Неожиданно для меня земноводные танки выпустили из стального тела огромные клешни и бросились друг на друга, как огромные муравьи или бешено злые скорпионы. Они «жалили» друг друга струями огня, в ключья рвали стальными клешнями стальные тела, разбрасывая металлические обломки далеко вокруг. Не прошло часа, как на месте гладкой равнины выросла целая гора обломков, пепла, кусков расплавленного металла. Но гора эта жила, кишела, как муравейник. Танки прорывали ходы в этой горе, всюду ища противника.

И удивительнее всего было то, что во всей этой стихийной борьбе, во всех этих машинах не было ни одного человека. На поле сражения проливалась не человеческая кровь, а расплавленный металл, валялись не груды мяса, а стальные обломки. Ли был прав. Это была в подлинном смысле война машин. Люди

где-то сидели вдали и направляли машины, которые как-будто стали живыми существами.

Одного из этих человеческих существ, одушевлявших мертвые машины, я видел перед собой. Это был Ли.

Он уже овладел собой. По крайней мере, был внешне спокоен. Склонившись над картой, мерцавшей фосфорическим светом, он внимательно следил за происходящим на поле сражения, как-то разбираясь во всей этой путанице мелькавших по карте пятен, теней и лучей, от времени до времени отдавал кому-то короткие приказания в рупор и беспрерывно нажимал клавиши, укрепленные на карте. И я видел, как от каждого его прикосновения перемещаются на карте темные пятнышки, а глядяываясь в перископ, я видел, как стаи кораблей и густые ряды танков, повинувшись его руке, движутся в разных направлениях. Если бы не этот перископ, то, глядя на Ли, можно было подумать, что он занят игрой в шахматы.

«В конце концов эта война не так уж страшна,—подумал я, не высказывая вслух свою мысль, чтобы не помешать Ли.—И, пожалуй, она гуманнее прежних войн. Здесь гибнут не люди, а машины».

— Но за машинами стоят люди, их жизнь и благополучие

Кто это сказал: Ли или я подумал?—в ту минуту я сам не мог отдать себе отчета. Я посмотрел на Ли. Лицо его нахмурилось. Он нервно сжал губы и несколько раз нажал на одну и ту же кнопку. Но она, видимо, не действовала. Я посмотрел в перископ и увидел, что на одном участке наши танки стоят как парализованные, а вражеские танки усиленно истребляют их.

— Несчастные, они погибли!—тихо сказал Ли.

— Их погибло тысячи,—ответил я, думая, что Ли говорит о машинах.—Почему же вы жалеете только эти?

— Погибли не машины, а люди. Те, которые руководили этим участком,—ответил Ли.

Только впоследствии, разговаривая с Ли, я вполне понял значение происходящих событий. Оказывается, не здесь, не на поле сражения, происходили самые драматические сцены. Главное внимание противников было направлено совсем не сюда. Исход сражения зависел от того, кто первый найдет и поразит наибольшее количество пунктов, откуда люди управляли действием своих машин и орудий истребления. Найти эти пункты, находящиеся на огромном расстоянии от поля сражения, было не легко. И все-таки их находили благодаря особым пеленгаторным аппаратам, определявшим направления радиоволн. Один только Ли рискнул поставить свой корабль почти у самого места сражения. Но у него, как я потом узнал, был свой расчет. На месте сражения перекрещивалось столько радиоволн, что выделить излучаемую нашим кораблем радиоволну врагу было особенно трудно.

Сражение продолжалось, и расчеты Ли оправдывались. Нас не замечали. К утру сражение велось уже с явным перевесом в нашу пользу. Европейцы нащупали и истребили несколько американских руководящих центров, быстро докончив на соответствующих участках

поля сражения и с истребительными машинами врага. И когда солнце осветило выросшую за ночь гору обломков, Ли в первый раз за много часов поднял голову от карты и, улыбаясь, сказал:

— Победа! Теперь уже явная победа!—И, склонившись вновь над картой, он опять углубился, продолжая нажимать кнопки.

Вдруг карта как-то потускнела.

— Они нащупывают нас!..—тихо проговорил Ли.

От этой неприятной новости у меня холодок пробежал по спине.

— Что же теперь будет?—спросил я.— Уйти незамеченным невозможно. Нас обнаружат и испепелят.

— Да, положение серьезно. Нам нужно подумать о себе.

— Что же вы предпримете?

— Попытаюсь «провалиться» сквозь землю,—лю,—улыбаясь даже в этот опасный момент, сказал Ли. Я принял это за шутку. Но Ли говорил совершенно серьезно. Правда, мы не «провалились» сквозь землю. Но наше воздушно-земноводное судно, оказывается, имело еще одно качество, о котором я не знал.

— Этого не знают еще и американцы,—сказал Ли. Он отдал приказ, и я услышал какой-то новый глухой шум.

— Носовая часть нашего корабля,—пояснил мне Ли,—снабжена особыми сверлами, которые буравят землю. Для этих сверл даже гранит не составляет преграды. Мы будем врываться в землю, как крот. На время, чтобы «замести следы», мы не будем излучать радиоволн. Таким образом мы проберемся под землей на новое место и поднимемся на поверхность.

Мощные сверла работали, прорывая узкий туннель. Особые приспособления отбрасывали землю назад. Сверла скрипели так, что этот пронзительный звук слышался сквозь плотные металлические стенки корабля. И весь корабль дрожал лихорадочной дрожью. Металлические «кротовые» лапы скребли землю и подвигали длинное тело корабля. Судя по наклону пола, мы зарывались в землю все глубже.

Куда приведет меня это подземное путешествие?..

(Продолжение следует).

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „ЖИЗНЬ и ТЕХНИКА СВЯЗИ“.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

- М. ШЕДЛИНГ.—„Очерки по истории мировой почты“, в 2-х ч.: част. I—„Происхождение, начало и развитие почты“ и часть II—„Русская почта с древних времен до начала XIX века“. 256 страниц в 1/32, 40 рисунков в тексте. Цена 1 руб. 25 коп.
- А. И. ЦЫГИКАЛО. — „Практическое руководство по уходу за телеграфными аппаратами“. Ч. I — „Аппараты клопфер, Юза и Бодо“. 96 стр. в 1/32, 17 чертежей. Цена 60 коп.
- А. И. ЦЫГИКАЛО. — „Практическое руководство по уходу за телеграфными аппаратами“. Ч. II. (Бодо-Каупуж, трансляции, ретрансмиссии). Цена 50 коп.
- Инж. В. Я. АФАНАСЬЕВ.—„Линейные сооружения на городских телефонных сетях“. (Конструкции и способы производства работ). С 94 фигурами в тексте. 160 стр. Цена 1 руб.
- Н. С. РОДИОНОВ.—Гальванические элементы на службе связи. 64 стр. Цена 60 коп.
- „Приемные радиостанции, их постройка, оборудование и обслуживание“. С 87 фигурами в тексте. 132 стр. Цена 85 к.
- „Широковещательные радиостанции“. 31 фиг. в тексте. Цена 50 коп.
- Р. ЗОННЕНБУРГ.—„Управление предприятиями связи“. 96 стр. Цена 60 коп.
- Инж. Н. А. ХАРЧЕНКО.—„Окружная телефонная сеть“. 72 стр. Цена 60 коп.
- А. БЕЛЯЕВ. — „Современная почта за границей“, 184 страницы (70 иллюстраций). Цена 1 руб. 25 коп.
- В. С. СЕРЕБРЕНИКОВ.—„Газетное дело на почте“. 64 стр. Цена 50 коп.
- Научно-Технический сборник, за 1926 г.—Три выпуска 6 руб. Для подписчиков „Жизнь и Техника Связи“ 3 руб.

Заказы следует направлять по адресу:

Москва, Варварка, 7. Редакция журнала „Жизнь и Техника Связи“.
Телефон № 4-24-46.

РАДИОПОЛИС.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ТРЕХ ЧАСТЯХ.

А. Беляева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АМЕРИКА.

III. Город-небоскреб.

Бурав скрежешет, скребут стальные кротовы лапы. Наша стальная птица, превратившись в подземное животное, неустанно роет землю и продвигается вперед. Иногда скрежет сверла внезапно прекращается,—мы попадаем в подземное озеро или реку. Тогда слышится шум винта, заменившего бурав. Потом опять скрежет. Я не знаю, из чего сделан бурав, но он режет даже гранит и железную руду. Только иногда, встречая слишком твердые пласты почвы,—чтобы не задерживать продвижения вперед,—наш умный крот обходит залегающие рудных пластов и находит более мягкую почву.

Наше подземное путешествие продолжалось несколько часов, и я уже начал уставать от однообразного шума. Посмотреть же что делается на земле мы не решались, опасаясь радиоволнами обнаружить наше местопребывание. Ли только отмечал на карте наш подземный путь.

— Где мы находимся?—спросил я его.

— Не могу сказать вам точно. Мы так часто изменяли направление, что не трудно сделать ошибку. Мы должны быть где-то в окрестностях Нью-Йорка.

— А он еще существует?

— Да, и под своим старым названием. Сейчас мы станем подниматься на поверхность.

— Но это не опасно?

— Я думаю, что наверху все уже окончено. И потом, надо же нам подняться на землю. Довольно рыть кротовые норы.

Ли отдал распоряжение, мы стали довольно круто ползти вверх. Лапы „крота“ работали с удвоенной скоростью, как будто ему самому захотелось подышать свежим воздухом. Еще несколько минут, и я услышал, что скрежет сверла прекратился. Стальные членистые лапы продвигали нас вперед.

— Нос нашего корабля вышел на поверхность,—сказал Ли.

— Быть может, это вода?

— Тогда слышался бы шум винта. Я думаю, мы можем выходить.

Люк был открыт. Я вышел наружу и невольно вскрикнул от удивления. Мы находились в центре какой-то залы необычайных размеров. Скорее это была площадь большого города, но над ней возвышался потолок. Площадь была полна народа, двигающегося в разных направлениях на подвижных площадках пола.

— Вот так штука,—воскликнул Ли, — мы попали в самый центр города.

— Это город?—не удержался я от вопроса. Ли что-то ответил, но я не расслышал его ответа. Наше внезапное появление произвело страшный переполох. Люди кричали пронзительными, тонкими голосами, бросались в сторону, подвижные площадки, продолжавшие свое движение, сбрасывали их, сваливали в кучи, перемешивали. Те, что были ближе к стеклянным стенам этого странного города, бросились на эти стены, как мухи, бьющиеся о стекло окна. Несматривая на огромную толщину стекол, одна из стен оказалась каким-то образом разбитой. И я с удивлением увидел, как толпы людей, как бы забыв о нас, еще с большим ужасом стали убегать от разбитой стены.

— Что их так напугало? Теперь они бегут к нам.

Нагибаясь, Ли крикнул мне в ухо:

— Они боятся простуды.

И опять за шумом я не мог дослушать объяснений Ли.

Удивило меня и другое. Почему вся эта масса людей не попытается оказать нам сопротивление? Я присмотрелся к некоторым из них, которые были ближе. Что за странные существа! Неужели человеческая порода так выродилась? Все они наноминиали рахитичных детей. Непомерно большие головы, совершенно лишённые растительности, разросшиеся, как лопухи, уши, большие круглые глаза под огромным лбом и непропорционально малая нижняя часть лица, с маленьким подбородком, какой бывает у грудных детей и глубоких беззубых стариков,—делали эти существа мало привлекательными. Добавок они имели большие животы, свисавшие на маленькие тонкие, кривые ножки.

Ли спокойно и несколько презрительно смотрел на обитателей города. В их круглых глазах отражались беспомощность и ужас.

— Идем,—сказал мне Ли. Он отдал приказание механику ожидать нас, вызвал Эда, нашего пилота. Люк корабля захлопнулся, и мы отправились в путь,—втроем среди бегущей толпы. Перед нами будто ветром раздувало дорогу. Нашим оружием был страх, который, казалось, парализовал жителей. И все же я удивлялся смелости Ли.

Мы воспользовались одной из скользящих платформ и подехали к лифту. Мы сели в лифт и он послушно понес нас вверх. Ли, разумеется, никогда не был в этом городе, и тем не менее он так уверенно держался, как будто приехал в собственную квартиру. Скоро его спокойствие передалось и мне.

Этаж мелькал за этажом, а мы все еще летели вверх. Я пытался считать этажи, но при быстроте подъема это оказалось невозможным.

— Мы, кажется, летим на небо,— улыбаясь сказал я.—Когда же кончится эта вавилонская башня?

— Трехсотый этаж. Еще двести, ответил Ли.

Я чувствовал, что у меня начинает замирать сердце. Наконец, лифт замедлил движение и бесшумно остановился.

Мы вышли и оказались на площади уже гораздо меньших размеров. Здесь не было вращающихся площадок, да в них не было и надобности. Площади замыкалась с четырех сторон стеклянными стенами из голубоватого стекла, скрывавшего от глаз внутренность помещений. В стенах имелось множество дверей с номерами над ними. Ли уверенно направился к одной из них, нажал кнопку, и дверь бесшумно отворилась. В ту же минуту, прежде чем мы вошли, из двери показался молодой человек. Хотя его голова и, в особенности, большой лоб превосходили нормальные, с моей точки зрения, размеры, но все его телосложение было довольно пропорционально. Большие умные очень светлые глаза незнакомца вспыхнули радостью, когда он увидел Ли.

— Наконец то! Я уже беспокоился о вас.

— Здравствуй, Смит,— радушно ответил Ли.—Как дела? Ведь, я несколько часов был оторван от событий.

— Отлично. Полная победа. Но о ней еще не знает весь город. Мы прервали сообщение. Весть о поражении Америки только достигла нижних этажей. Я дал приказ остановить работу лифтов. Ваш подъем был последним. Прощу вас, зайдите ко мне и отдохните.

Ли познакомил нас, и мы вошли в комнату Смита. Она была очень невелика; шкапы с маленькими ящиками занимали три стены. Несколько чертежных столов были завалены какими-то чертежами и приборами, назначение которых мне было неизвестно.

Смит был одним из инженеров, удостоившихся жить в городе. Здесь, в Америке, не только рабочие, но и инженеры жили в рабочих поселках, связанных с фабриками и заводами, город же населяли только денежные аристократы, державшие в своих руках власть. Смит был из рабочих. Необычайные способности выдвинули его на высокий пост. Но он не оправдал доверия господ и примкнул к рабочему восстанию. Все это я узнал от Эа в то время, как Смит беседовал с Ли.

— Как вам понравился наш город?— обратился ко мне Смит.

— Я еще не успел осмотреться.

— Если будет время, я покажу вам это любопытное сооружение,—продолжал Смит.—Мы находимся на такой высоте, что не можем даже открывать воздух: он слишком редок, и мы рисковали бы задохнуться. Сюда воздух подается снизу особыми нагнетателями. Но если спуститься этажей на двести, то можно выйти на балкон. В хорошую погоду, когда ниже лежащие тучи не мешают, вы увидите величественную картину необозримых пространств. Старый Нью-Йорк, город небоскребов, давно исчез. На его месте по-

строен один сплошной город-небоскреб, высота которого на много превышает высочайшие горы в мире. Однако, нам надо торопиться, чтобы наши птички не улетели из клетки. Ечерашние властелины сегодня стали нашими пленниками. К сожалению, не все. Из трех банкиров, управлявших американским миром, два все-таки успели как-то узнать о поражении и бежали. А может быть, они решили предупредить события. Но старик Клайнс у себя. Нам надо захватить его. Идем.

Мы вновь подошли к лифту. Смит протелефонировал, и лифт заработал. Мы спустились на несколько сот этажей.

— Это „бель этаж“ — улыбаясь сказал Смит, выходя из лифта.—здесь живет верхушка капиталистического мира. Сейчас мы пустим в ход вот этот движущийся тротуар и подедем к дому „его величества“, мистера Клайнса. Вот и готово. Дверь заперта, но мы сумеем открыть ее.—Смит нажал кнопку, повернул стрелку на циферблате с цифрами, еще раз нажал кнопку и дверь открылась.

Мы вошли в вестибюль, роскошь которого поразила меня. К моему удивлению, это была роскошь на старинный манер. Но роскошь чрезмерная, пышная, о которой могли бы мечтать короли средневековья. Мебель из литого золота, малахитовые колонны, тисненый бархат, шелка тончайших узоров, пушистые ковры, зеркала, цветы. роскошные люстры, статуи,— все говорило, кричало о силе, могуществе, богатстве владельцев этого дворца. Мы поднялись по белой мраморной лестнице, и перед нами открылся целый ряд зал, отделанных в различных стилях. Начиная от стиля Людовика XIV-го. Белая зала с серебром, красная с позолотой, голубая, бледно-палевая, оранжевая. У меня зарябило в глазах. Казалось, мы переходили из эпохи в эпоху, из века в век. И все эти века были как бы ступенями, ведущими вверх, на высоту могущества некоронованных королей капитала. И каждая зала была больше, величественнее предыдущей. Я потерял им счет, но их было вероятно несколько десятков. Последние были отделаны в неизвестном мне стиле,—почти больном в своей вычурной роскоши. С огромного бирюзового купола спускались тонкие золотые нити, а на них висели маленькие, светящиеся фонарики, своей формой и гранями изумительно напоминавшие различные драгоценные камни.

Вся мебель была сделана из такой же имитации сверкающих алмазов, бриллиантов, изумрудов, топазов, рубинов..

— Все эти камни созданы химическим путем,—сказал Смит—и по своему составу они ни чем не отличаются от настоящих.

— Бриллианты „Тета“ — подумал я.— Но почему мы не встретили ни одного человека? Неужели здесь нет слуг? Или все бежали?

— Владыки этих мест,—ответил Смит,— не переносят присутствия „низших существ“,— живых слуг. Я думаю, они просто боятся их. Здесь все механизировано. Ну, вот мы и пришли, наконец, к жилым комнатам. Вот дверь в кабинет мистера Клайнса,—дверь до селе запретная для всех.—Смит открыл дверь, и мы вошли в комнату небольших размеров, всю заваленную старинными персидскими коврами и японскими шелковыми подушками.

Среди груды подушек мы увидели существо, в котором я не сразу узнал человека. Эта была какая то куча теста, облеченная в голубой халат. При нашем входе тесто пришло в легкое движение, и я услышал тонкий, визгливый голос. Мистер Клайн изволил спрашивать, кто мы и как мы осмелились притти сюда—Эа быстро переводила мне разговор, происходивший на новом английском языке, — очень лаконичном. Мистер Клайн сердился. Он не слушал того, что говорил ему Смит и, все повышая тон, уже визжал, бранился и угрожал, что нас постигнет страшное наказание за дерзкое вторжение и за нарушение законов.

— Если вы сейчас же не уйдете, я нажму вот эту кнопку, и от вас останется пепел,— кричал комок теста, порозовевший от гнева.

— Нажмите, если вам доставит это удовольствие,—спокойно ответил Смит Из теста отделился кусок, который оказался рукой Клайна. Клайн протянул руку к кнопке.

— Я сейчас нажму, я нажимаю,—кричал он, но не приводил своей угрозы в исполнение, боясь, очевидно, испортить себе настроение видом казни. Наконец, видя, что Смит приближается к нему, Клайн испуганно нажал кнопку. Он нажимал все сильнее, а Смит стоял живой и спокойный, насмешливо поглядывая на Клайна. Тесто опять стало белым, уже от страха. Клайн убедился, что смертоносный аппарат испортился. В его заплывший жиром мозг стало проникать сознание, что испортилось что-то не только в этом аппарате, но и во всей государственной машине. Клайн издал звук мыши, попавшейся в лапы кошки. Он даже попытался встать, но тотчас беспомощно опустился в подушки.

— Что же вы хотите?—пропищал Клайн.

— Мы уже достигли того, чего хотели. Вы больше не владеете Америкой. Я пришел только сказать вам, что вы арестованы. Извольте следовать за мной.

— Следовать? Куда? Но как же так, вдруг?.. Я... я еще не завтракал Мне предписан строгий режим...

Мы невольно улыбнулись.

— Вас накормят,—ответил Смит.

— Да, но у меня специальный режим... таблетки...

— Вы можете взять их с собой.

— Вы разгешаете?—кисло улыбнувшись, сказал Клайн.—Они в другой комнате, я сейчас возьму их.

Груда теста зашевелилась, как опара, вылезающая из дежки. У Клайна оказался такой большой живот и тонкие ноги, что я недоумевал, как может он ходить. И он, действительно, не мог ходить без механической помощи. Рядом с Клайном оказалось нечто в роде каласочки, которую я не заметил среди груды подушек. Клайн положил на колясочку свой свисавший до колен живот, подняв его каким то рычажком, повернул ручку, и «домашний автомобиль» тихо поехал к двери, унося стоящего на маленькой площадке толстяка.

Когда колясочка скрылась за косяком двери соседней комнаты, Смит сказал:

— Надо, однако, проследить за этим господином.

Мы прошли к двери соседней комнаты. Заглянув в комнату, я вскрикнул, увидя такую картину.

Клайн, пыхтя и хрипя от страшных усилий, взбирался на подоконник. Окно было открыто настежь. Толстяк перевесил свое грузное тело, в окне мелькнули тонкие ножки и тело Клайна полетело в бездну.

— Несчастный, он кончил с собой!— подумал я.

— Проклятый толстяк, он хочет убежать от нас!—крикнул Смит, бросаясь к окну. Я последовал за ним. Круглое тело Клайна, с тоненькими ножками, похожее теперь на головастика, перевернулось несколько раз в воздухе и вдруг превратилось в шар. Шар сразу замедлил падение.

— Парашют,—сказал Ли.

Навстречу этому живому шару уже летел вражеский аэроплан Подлетев к шару аэроплан выбросил сетку и зачерпнул воздух, пытаясь поймать Клайна, но промахнулся. В тот же момент появилось второе воздушное судно, по конструкции которого я узнал, что оно европейское. Оттесняя аэроплан американцев, европейское судно также выбросило сеть, подцепило падающий шар и подтянуло.

— Ловко! Попалась птичка,—воскликнул Смит.—Но посмотрите на эту воздушную игру! Можно подумать, что мы присутствуем при новом виде спорта. «Пуш-болл» в воздухе.

«Игра», действительно, шла во всю. Из всех окон небоскреба падали такие же шарик, а воздушные суда двух враждебных армий гонялись за ними, как голодные стрижи за мошкаркой, стараясь отбить добычу друг у друга. Но это была не игра, а эвакуация,—самая странная из всех, которые когда либо были. Остатки вражеского воздушного флота, проиграв сражение, бросились к городу-небоскребу, чтобы спасти от плена и унести с собой не успевших бежать обитателей города. Аэропланы дрались в воздухе, сталкивались меж собой и упускали добычу. В этот жуткий момент, вероятно, многие из выбравшихся предпочитали даже поимку их вражеским аэропланом неминуемой смерти на площадке небоскреба, так как не все парашюты успевали раскрываться. Много обитателей дворца миллиардеров было поймано, но многие из них успели спастись. Спастись на время.

— Дальше земли не улетят, а весь земной шар теперь в наших руках,—сказал Ли.

Это было верно, но не совсем. Судьба земного шара была решена, но борьба еще продолжалась, как последние вспышки догорающего костра. И эта борьба не окончилась еще и для нас лично.

Мы спустились на нижнюю площадку, среди которой стояло наше судно.

— Куда теперь?—спросил механик.

— Летим на заводы,—там наша помощь необходима,—ответил Смит.

Мы вошли в корабль, механик пустил мотор, Эа уселась у руля управления, и мы двинулись в путь.

Корабль вновь превратился в воздушную птицу и плавно поднялся на воздух. Небо было чисто. Только несколько сторожевых

стальных птиц европейского флота реяло в воздухе, да вдали, на горизонте, виднелась тоненькая ленточка.

— Догоняют последние суда американцев, — сказала Эа, склонив голову, посмотрела на карту, чтобы определить направление.

Я перевел перископ и начал смотреть на землю. Мы летели не высоко. Растившийся внизу ландшафт был ясно виден. Я видел равнины, извилистые голубые ленты рек. Дорог не было видно, но это не удивило меня. С тех пор, как воздух сделался главной дорогой, в земных дорогах не стало нужды. Меня удивляло другое. Америка казалась безлюдной, заброшенной землей. Не было видно ни ферм, ни даже городов. Чтобы это могло значить? — спросил я у Эа.

— Ферм нет, — ответила она, — потому, что продукты питания добываются здесь не на полях, а в лабораториях, химическим путем. А города? Богачи здесь жили в десятке гигантов-небоскребов. Рабочие же.. но вы увидите, как жили здесь рабочие.

Воздушный корабль поднялся на высоту, перевалил через небольшой горный кряж, и я увидел огромную долину с необычайно гладкой поверхностью, как будто вся она была асфальтирована.

— Что это, какой то гигантский аэродром? — спросил я.

— Нет, это всего только крыша, — одна сплошная крыша над фабрикой, занимающей сто двадцать квадратных километров.

— Вы так осведомлены в американских делах, как будто уже бывали здесь.

— Если бы мы не были осведомлены о многом, то я не победили бы, — ответила девушка. — Это фабрика, но вместе с тем это и город рабочих, так как рабочие здесь живут на фабриках. Под этой беспредельной крышей они рождаются и умирают, не видя неба над головой.

— Как это ужасно, — сказал я, еще не зная, что это только начало тех ужасов, которые придется мне увидеть.

Воздушный корабль снизился прямо на крышу. Мы открыли люк и вышли наружу. Смит нажал ногой черный квадрат на серой крыше. Открылась дверь, ведущая вниз. Мы стали спускаться по узкой лестнице, сразу погружившись в полумрак.

— Здесь хозяева сэкономили на всем, даже на освещении — дальше будет видней. Осторожней ступайте.

Небольшая лестница кончилась, и мы оказались на бетонном полу фабрики. Это здание представляло из себя, даже по своей конструкции, полный контраст с городом-небоскребом. Если тот строился по вертикали, то это разлилось по горизонтали. Небоскреб заливал свет солнца, здесь царил искусственное освещение. По своему плану это здание было похоже на шахматную доску. Широкие, прямые улицы разделяли квадратные кварталы. На этих улицах совсем не было людского движения. По полу, с легким шумом трения, двигались бесконечные ленты, подававшие из квартала в квартал части изготавливаемых машин.

— Зайдем в этот цех, — сказал Смит.

Мы вошли в большую, полутемную комнату. Недалеко от дверей вращались два ко-

леса, стоявшие близко друг к другу, около пяти метров в диаметре каждое. Я подошел к этим колесам и вдруг невольно отшатнулся. Между колес, прямо на земле сидел какой то урод. У него, повидимому совсем не было ног, так как его торс помещался в чашеобразном металлическом сосуде. Зато его руки были непомерно велики. Он держался ими за края колес и вращал их. Это был какой то придачок машины. В этот момент к несчастному уродцу подошел низкорослый рабочий в маслянном костюме с маслянной в руке и влил в рот вертящего колесы уродца какой то жидкости, с таким видом, как будто он смазал машину.

— Вот и пообедал, — с грустной улыбкой сказал Смит.

Человек с маслянной ходил около колес, где сидели такие же уродцы и „смазывал“ эти живые машины.

Далее стояла машина с каким то сложным механизмом. В середине этой машины находилось нечто в роде коробки не более шестидесяти сантиметров высоты, и в этой коробке бегал карлик, нажимая какие то рычаги. И опять такая же машина, с такой же коробкой и совершенно таким же маленьким человеком. А еще дальше я увидел отверстие в потолке и чью то неимоверно длинную и тонкую фигуру, верхняя часть туловища которой, от пояса, находилась во втором этаже. От времени до времени, с автоматичностью машины, из отверстия, как длинные рычаги, появлялись руки, захватывали подаваемые на транспортере готовые части машин и поднимали их на второй этаж.

Эта была не фабрика, а какой то музей уродов. Их вид производил гнетущее впечатление. В их глаза, смотревшие без мысли, без всякого выражения нельзя было смотреть. Я много пережил за свое необычайное путешествие, но еще никогда мои нервы не были потрясены до такой степени.

— Я не могу видеть этого зрелища, уйдем скорее из этого ада, — обратился я к Смицу.

Он тяжело вздохнул.

— Да, это слишком сильное испытание для нервов, — ответил он. Но вы не видели и десятой части всех ужасов этого ада. Это, — Смит указал на уродцев, — безнадежные люди, даже не люди, а живые машины. Они не только не могут освободить себя, но им уж ничем нельзя помочь. Конечно, не все рабочие превращены в такие придачки машин. Это, в сущности, пережитки старины. Много лет тому назад медицина сделала большие успехи в изучении действия желез внутренней секреции на развитие человеческого тела и отдельных органов. Хозяева этих фабрик не приминули использовать эти успехи науки для своих целей. Они заставили ученых, путем подбора и воздействия на железы, создавать людей, которые бы являлись этакой составной частью машины.

— И люди соглашались на это?..

— Не люди, а голод.. Все это делалось „добровольно“, за грошевые прибавки и посулы, и изуродованному потомству этих „охотников“ ничего больше не оставалось, как продолжать участь отцов, или умереть с голоду за полной неспособностью и непригодностью организма делать какую

нибудь иную работу. Это была эпоха профессиональной приспособленности, доведенной до абсурда.

— Но, ведь, в конце концов разве это могло быть выгоднее простой механизации? Например. этот великан, таскающий руками части машин на второй этаж..

— Идея была не совсем глупой. Люди делались составной частью машины в тех случаях, когда ход трудовых процессов все таки требовалось регулировать участием сознательной воли. Потом это было оставлено. Но часть производства осталась с людьми-машинами. Они были дешевы и.., совершенно безопасны. Если хотите, это является символом „идеального рабочего“ с точки зрения капиталиста. Согласитесь, что в большей или меньшей степени и в ваше далекое время капиталисты старались „машинизировать“ рабочих, прикрепить к машинам на возможно больший срок в ущерб физическому и умственному развитию. Здесь, в силу сложившихся условий, им удалось только осуществить этот „идеал“ до конца. Теперь эти несчастные будут вынесены на свежий воздух, увидят голубое небо и свет солнца. Мы сделаем все возможное, чтобы скрасить их убогую жизнь.

Я вздохнул с облегчением, когда увидел подошедшего в этот момент рабочего, нормально развитого и здорового, если не считать бледного цвета лица от постоянного пребывания в закрытом помещении.

Смит начал говорить с ним, а мы с Ли и Эа поспешили покинуть эту юдоль печали.

Я вышел на поверхность и с облегчением вдохнул свежий воздух. В этот момент раздался удар грома, шаровидная молния упала на крышу, с грохотом обрушив часть ее. Еще несколько молний упало вокруг нас.

— Разрядник!..—услышал я голос Смита. Молнии прекратились. Но в наступившей тишине я вдруг услышал громкий голос, как будто исходивший с неба.

— Привет от Клайнса!

На крышу выбежал Смит.

— Проклятье,—кричал он,—Клайнсу удалось бежать!.. Эти беглецы, прежде, чем погибнуть, могут наделать нам не мало бед..

А Ли, открыв люк нашего корабля, спрашивал механика.

— Вы не отметили направление радиоволны?

— Есть,—ответил он.

— Тогда летим скорее...

РАДИОПОЛИС.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ТРЕХ ЧАСТЯХ.

А. Белыева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АМЕРИКА.

V. В стране белых дикарей.

Опять стальная птица кружит в воздухе, увлекая меня в неведомую даль. Эа спокойно поворачивает рулевое колесо. Смит и Ли разговаривают о бегстве Клайнса.

— Не понимаю, как мог еще раз улизнуть от нас Клайнс,—эта старая хитрая лисица. Он был в «Высшем Совете Трех» и являлся главой правительства.

— Я уже получил сведения,—ответил Ли.— Наш аэроплан, так ловко подцепивший падавшего Клайнса, сам был пойман в сети огромным аэропланом американцев. Четыре наших товарища в плену.

— Клайнса нужно разыскать и поймать во что бы то ни стало.

— Мы и поймаем его,—ответил Ли.

— Не так то-легко. Его молнии и дерзкое напоминание о себе дали нам направление, но, ведь, он не стоит на месте.

— Каждый его новый выпад будет давать нам и новые нити к розыску.

— Да, но каждый его выпад будет стоить не одной человеческой жизни...

Мы летели на юг. Леса, горы и реки пронеслись под нами как на киноленте, пущенной с бешеной скоростью. Вот и Панамский канал скрылся позади нас. Не слишком ли мы забираем на Юг? Мы летим уже над Южной Америкой... Огромная горная цепь преграждает нам путь. Воздушный корабль забирает высоту, поднимаясь выше облаков. Земли не видно за белой пеленой, растопленной под нами. Заходящее солнце опускается в эту пелену, окрашивая ее в пурпур. Эа нажимает педаль ногой и вдруг бледнеет. Педаль не работает. Мотор остановился. Машина стремительно падает. К счастью, наше судно приспособлено к этим случайностям. Из стального тела выбрасываются плоские крылья. Они поддерживают корабль и он падает медленнее. Но управление испорчено, планирование невозможно. Корабль падает в воздухе скользкими углами, как кусок картона, сброшенный с высоты. Каждую минуту он может повернуться вниз носом или кормой, такой же острой, как нос, и свалиться на землю «штопором». Только огромная высота, на которой мы находимся, дает нам несколько мгновений приготовиться к падению. Никто не говорит ни слова. Для всех ясно наше положение. Мы с лихорадочной быстротой прикрепляем небольшие крылья за спиной, открываем люки и выбрасываемся в вихри крутящегося вокруг нас воздуха. Крылья затрепетали за

нашей спиной, мы повисли в воздухе, а наш великолепный корабль стремительно продолжал падать.

— Механик!..—вдруг крикнул Ли. Но механика не было. Он, очевидно, не успел надеть крылья.

— Несчастный, он погиб!

Под нами густые заросли первобытного леса. Вот упал корабль и над лесом поднялся огромный столб воды и грязи.

— Он упал в лесное болото,—сказал Смит.

— Это к лучшему, он уцелеет,—ответил Ли.

— Да, но удастся ли нам извлечь его из болота?—сумрачно проговорил Смит.

Через несколько минут наши крылья зашуршали меж широких листьев тропического леса. Яркие попугаи с гортанным криком разлетелись при виде необычайных птиц, за которых они, вероятно, нас приняли. Завизжала стая обезьян и стала забрасывать нас какими то сочными плодами.

— Нечего сказать, гостеприимные хозяева,—сказал Смит. пытаюсь освободить свои крылья от паутины лиан.

В этой гуще растений летать было невозможно. Пришлось плотно сложить крылья и спускаться по деревьям. Внизу был полумрак. Быстро приближалась темная тропическая ночь. Мои ноги коснулись почвы и тотчас увязли в тине.

— Подождите спускаться,—сказал я своим спутникам,—здесь топь.

Ли зажег карманный фонарь. Луч света блеснул на жидкой поверхности болота. Змеи, обеспокоенные неожиданным светом и нашими голосами, подняли головы над корявыми корнями и угрожающе зашипели. Я быстро вскарабкался на ближайший сук, товарищи последовали моему примеру.

— Однако, в хорошенечкое положение мы попали,—сказал Смит.—Придется переждать до утра на деревьях, а там видно будет, что предпринять дальше.

Мы уселись на ветвях большого дерева, поближе друг к другу, как наши далекие предки, и покорились судьбе. Ни одной звезды не видно было над головой: сплошной полог листьев закрывал от нас небо. От болота поднимались сильные испарения. Я чувствовал, как дрожит соседний сук, на котором сидела Эа; ее лихорадило. Среди тишины ночи слышались какие-то вздохи, шорохи, чавканье. Где-то далеко и протяжно завыл какой-то неведомый зверь. И вдруг, покрывая все эти звуки, над нами послышался тонкий и сильный, как звук паровой сирены, голос:

— Привет от Клайнса!..

Вслед за этим, хроматическими переливами раздался визгливый смех.

— Проклятие!—выбрался Смит,—он издевается над нами. Это он, очевидно, какими-то новыми лучами испортил механизм нашего корабля. Вы оказались правы, Ли, Клайнс подал о себе весть. Но это не дало нам новой нити к его розыску,—наш пеленгаторный аппарат погребен вместе с кораблем...

— Но у меня есть карманный аппарат, с которым я никогда не расстаюсь,—ответил Ли, и, блеснув фонариком, сделал отметку по компасу.

— Вы очень запасливы, Ли, но, к сожалению, ваши отметки не много принесут нам пользы. Без корабля мы беспомощны.

Голоса замолкли, и опять тишина ночи, прерываемая чьими-то вздохами, шипеньем, криком попугая, которому приснилось что-то страшное, быть может, неведомые птицы, спустившиеся с неба...

Кажется, это была самая томительная и самая длинная ночь из всех пережитых мною. Под утро косой луч луны пронизал густой туман, белым паром затянувший все вокруг. Мы несказанно обрадовались этому лучу. Луна поднялась выше, скоро угас и этот луч. Пение и пронзительный свист каких-то птиц оповестили нас о наступлении утра. Взошло солнце. Туман поднялся и стал редеть. Лес ожил тысячами голосов. Я посмотрел на моих спутников. Они были бледны и истомлены. Я быстро спустился с дерева и сделал попытку ступить на землю, но это оказалось невозможным.

— Нам придется превратиться в обезьян и перебираться по веткам,—сказал я своим спутникам.

Мы, цепляясь за ветви, перебрались с дерева на дерево в поисках упавшего корабля. Но следов его не было. Наконец, на одной прогалине Эа увидела воронкообразное отверстие.

— Вот могила нашего корабля,—сказала она с печальной улыбкой.

— И нашего механика,—добавил Ли.

Да, это была могила. Нечего было и думать извлечь тяжелый корабль руками четырех людей.

— Однако, что же нам делать?—спросил Ли.

— Прежде всего, поискать место посуше, а потом позаботиться о пище и питье,—ответил я.

— У меня есть немного питательных таблеток,—сказал Ли.—Но нам их хватит всего на несколько дней. А дальше?

— А дальше нам придется приспособляться к новой пище, ответил я.—Здесь должно быть много фруктов. Если вы не можете есть их сырыми, мы добудем огонь, как добывали его дикари, и Эа будет нам готовить кушанья.

— Но я не умею готовить,—ответила девушка.

— Научитесь. Я покажу вам, как это делается. Идем!

— Вернее, лезем,—поправил меня Ли. И мы отправились в путь.

Обезьяны досаждали нам своим назойливым любопытством. Они преследовали нас целой толпой, бранились на своем обезьянь-

ем языке, высовывали языки. потрясали кулаками и бросались орехами и плодами.

Я поймал на лету несколько плодов и попробовал их. Они были сочны и очень вкусны.

— Попробуйте,—предложил я Эа. Но она не решалась есть их сырыми и ограничилась питательной лепешкой, предложенной ей запасливым Ли. Позавтракав, мы двинулись дальше. Но это лазанье быстро утомило моих спутников.

— Собственно говоря,—сказал Смит,—нам нет нужды бесконечно лазать. У нас есть крылья за плечами. Нам нужно добраться до лесной прогалины и оттуда мы сможем продолжать путь по воздуху. Смотрите, как ярко там светит солнце, там наверно есть чистое от зарослей место.

Мы последовали его совету и скоро действительно добрались до большой лесной прогалины, залитой водой. Незыбимое чувство свободы охватило нас, когда наши трепещущие крылья подняли нас на воздух. Меня охватило настроение мальчишеской радости, и, обернувшись назад, я сделал рукой прощальный жест изумленным обезьянам.

Мы поднялись над лесом и долго летели над зеленым ковром. Наконец, этот бесконечный лес окончился. Почва скоро начала подниматься и перешла в горный кряж. Мы облюбовали живописный склон горы с журчащим родником и опустились у небольшой пещеры.

— Мы, кажется, проходим все этапы человеческой истории, сказал я, опускаясь на зеленую лужайку.—Из «древесного» человека мы превратились в пещерных людей.

Посмотрев на Эа, я с удивлением заметил, что у нее смыкаются глаза. Как ни был запаслив Ли, он не мог захватить с собой все необходимое. Не захватил он и пилюль, уничтожавших токсины утомления. Смит и Ли также имели совершенно сонный вид. Я натаскал в пещеру сухого мха, сделал мягкие лежа и предложил им уснуть.

— Вы поспите, сказал я им.—а я буду сидеть у входа на страже. Неизвестно, какая опасность может подстергать нас здесь.

Спутники не заставили себя просить и скоро спали крепким сном.

После бессонной ночи меня также клонило ко сну. Чтобы чем-нибудь развлечься, я решил попытаться добыть огонь. Мне пришлось читать о том, как это делают дикари, но сам я умел добывать огонь только при помощи спичек, которых, к сожалению, не было со мной. Не упуская из виду пещеры, я прошел к близлежащему лесу, выбрал два сухих сука смолистого дерева и принялся за дело. Укрепив один сук меж корней, я начал усиленно тереть его другим суком.

Работа была нелегкая. Скоро пот лил с меня градом, а между тем не появлялось не только огня, но даже дыма. Хуже всего было то, что я ни на минуту не мог прекратить своей работы, чтобы дерево не остыло. Когда, наконец, запахло гарью и появился первый дымок, я очень обрадовался и начал тереть с удвоенным усилием. Я был страшно увлечен своей работой. Вспыхнуло пламя, погасло, опять вспыхнуло, еще раз погасло, и сук запылал.

Но мне не удалось насладиться моим торжеством. В тот самый момент, как мой сук ярко запылал, я услышал отчаянный крик Ли, заглушенный каким-то диким ревом. Подняв глаза от пылающего дерева, я увидел дикарей в звериных шкурах. Неизвестно откуда появившись, они вошли в пещеру, захватили спящими моих спутников и теперь тянули их на гору. При виде этого нападения дикарей, во мне самом пробудились какие-то первобытные инстинкты. Не выпуская из руки пылающего сука и размахивая им, от чего пламя разгоралось еще больше, я смело бросился на врагов, тыча в их косматые лица горящим суком. Вид пламени произвел на них неожиданно сильное действие. Дикари выпустили из рук свои жертвы и, упав на колени передо мной, завывали, как бы прося пощады. Очевидно, эти люди не были знакомы даже с добытанием огня и приняли меня за божество. Потрясая над головой своим пылающим факелом, я жестами дал им понять, что испелю их, если они тронут моих спутников. Дикари, как будто, поняли меня и покорно кивали головами. Потом они стали совещаться меж собой. Я имел возможность более внимательно рассмотреть их. Меня поразило, что их лица напоминали лица европейцев, а их кожа, хотя и сильно загоревшая, была белого цвета. Очевидно, судьба столкнула нас с белыми дикарями, о существовании которых ходили слухи среди диких племени Америки еще в мое время. В следующий момент я был поражен еще больше. Среди их гортанных слов я уловил, как мне показалось, несколько английских слов. И я не ошибся. Смит, также внимательно прислушивавшийся к их речи, вдруг заговорил с ними на каком-то ломаном английском языке, и они, повидимому, поняли его. Между ними завязалась беседа, перешедшая в довольно горячий спор. Наконец, Смит и дикари пришли к какому-то соглашению.

— Нам придется идти за ними,—сказал Смит, обращаясь к нам.—Они не сделают нам зла,—если «господин бог огня»,—и Смит с улыбкой указал на меня,—не сожжет их своим пламенем.

Нам ничего больше не оставалось, как следовать за дикарями.

— Можете ли вы себе представить,—сказал Смит, когда мы двинулись в путь,—что предки этих дикарей были когда-то «сто-процентными американцами». Они были рабочими, которым не повезло. Еще в двадцатом веке безработица создала целую «бродячую Америку»—кадры людей, выброшенных за порог культурной жизни больших городов. Американская культура все более сосредоточивалась в одних крупных центрах, а эти люди оказались предоставленными самим себе среди дикой природы. Из поколения в поколение они дичали, забывали все культурные навыки, пока, наконец, как видите, не превратились в настоящих первобытных людей, которым неведомо даже добытие огня. Если бы не ваш горящий сук, быть может, они убили бы всех нас. Не из злобы, но из простого страха перед неизвестными новыми

людьми, непохожими на них.—И, обращаясь ко мне, Смит добавил: Вам придется продолжать вашу роль «бога огня». Это облегчит нашу участь.

Я охотно согласился и потряс своим пылающим суком.

Мы поднялись на гору и нашли целый городок пещерных людей. Навстречу нам бежали голые мальчишки. Женщины, в звериных шкурах, не решались приблизиться к нам и с любопытством смотрели на нас издали. У пещер, на земле валялись каменные топоры и кости убитых животных. На столбах висело несколько черепов хищных зверей—трофеи удачных охот. Белый, как лунь, благообразный старик подошел к нам с недоверчивым видом. Я повертел в воздухе догоравшим суком и далеко отбросил его от себя. Дуга из дыма повисла над толпой и медленно растаяла в воздухе.

Седой старик раскрыл руки и отвесил мне глубокий поклон.

Я с успехом выполнял роль «бога огня». На большой площадке перед пещерным городом ночью и днем горел неугасимый костер, отгонявший диких зверей; за что белые дикари были мне очень благодарны. А вечерами, после захода солнца и наступления темноты, я совершал торжественное «богослужение». В глазах диких людей, я имел полное право считаться существом божественным. Дело в том, что я не только владел тайной добытания огня, но и крыльями. Во время нападения дикарей и борьбы с ними, у Ли и Смита крылья оказались поврежденными. Сохранились они только у меня и у Эа. И вот, в темные вечера, окруженные всеми обитателями пещер, мы подходили с ней к костру, держа в каждой руке по смолистой палке, поджигали их с разными церемониями и медленно поднимались на воздух. Дикари выли, опасаясь, что мы покинем их и они останутся без огня. Но мы не хотели оставить наших товарищей. Помахав в воздухе горящими палками, мы разбрасывали их в стороны. Горящие угли падали красивыми дугами и мы плавно возвращались на землю.

Я убедился, что быть «богом» совсем не трудное занятие. Тем не менее, я скоро начал тяготиться своей ролью обманщика поневоле.

Не одну ночь, сидя у костра, мы обсуждали план бегства. Но двое бескрылых людей связывали нас всех. Еще я, пожалуй, убежал бы от быстроногих дикарей, отдав свои крылья кому-нибудь из товарищей. Но один из них все равно оказался бы пешим, и его наверно нагнали бы дикари, и наше положение только ухудшилось бы.

А бежать нужно было во что бы то ни стало. Помимо того, что мы томились нашим бездействием, в то время, когда наша, в особенности Ли, помощь была так необходима в другом месте. Мои спутники страдали от голода; питательные лепешки все вышли, а привыкнуть к новой пище они не могли. И силы их быстро падали.

(Продолжение следует).

РАДИОПОЛИС.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ТРЕХ ЧАСТЯХ.

А. Беляева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ОСВОБОЖДЕННЫЙ МИР.

1. Подводный город.

Мы все еще в плену у «белых дикарей».

Однажды ночью мы сидели у костра и молчали. Маленький приемник с громкоговорителем передавал музыку из Радиополиса. Эта радиомызыка, которой мы иногда угощали наших поработителей, также казалась им сверхъестественным явлением и поднимала наш авторитет в их глазах.

Радиополис веселился, празднуя победу. Новый музыкальный инструмент,—электроорган, исполнял «Гимн победы», произведение молодого гениального композитора, который занятие музыкой соединял с работой на одной из силовых станций. Музыка замолкла. Пышались аплодисменты. После небольшой паузы новый взрыв аплодисментов, и когда, наконец, они затихли, мы услышали голос Эля.

— Товарищи,—говорил старый ученый,—наша радость безмерна. Последний угол земного шара, где еще царил капитал, неистовавший в своей агонии, освобожден. И все же в нашу радость, как в музыку этого торжествующего гимна, который вы только что прослушали, вылетают грустные аккорды. Враг побежден. Но часть врагов бежала, захватив с собой ужаснейшие орудия истребления. Пока существует это последнее гнездо, мы не можем быть спокойны, потому что и разбитый враг может причинить нам много зла. Это первое, что омрачает нашу радость. А второе—вы знаете, о чем я буду говорить. Наш лучший инженер Ли, наша самоотверженная Эа, наш механик Цаль, наш гость из неведомой страны и вождь американских рабочих—инженер Смит—пропали без вести. Несмотря на все наши старания, нам не удалось установить ни их смерти, ни их местонахождения. Они не подадут о себе вестей...—голос Эля дрогнул...—как мертвые. Но мы не хотим верить их смерти и будем продолжать наши поиски, пока не узнаем истины—печальной или радостной. Мы разослали специальные экспедиции во все части мира. Мы обшарим каждый уголок земного шара. И мы их найдем! Вместе с тем, мы разыщем и наших врагов, если бы даже для этого пришлось опуститься на дно океана и подняться к звездам. И мы уничтожим их. Тогда наша радость будет полною и не омраченною ничем. Долго несмолкавшие аплодисменты покрыли эту речь.

Взволнованный Ли вскочил и дышал учащенно.

— Помощь близка,—сказал он,—будем терпеливы. Какое несчастье, что я не могу по-

слать им привет!.. Мне хотелось бы кричать, кричать так, чтобы мой голос был слышен в далеком Радиополисе!..

Возбужденные, в эту ночь мы так и не уснули. Несколько дней под ряд мы не отходили от радиоприемника. Мы все чаще стали получать сигналы от воздушных судов, которые искали нас. Мы знали о пути их полета. Некоторые пролетали в нескольких стах километров от нас. Иные из них погибли от внезапного нападения вражеских судов. Клайнс, очевидно, тоже следил за ходом розысков и старался всячески вредить им.

На исходе второй недели, когда я собирал сучья для костра, ко мне подбежала взволнованная Эа и сказала.

— Идите скорее, Ли получил важные вести.

Я поспешил к отведенной нам пещере. Там я застал Ли и Смита. Ли нервно тер руки и ходил по пещере, рискуя разбить голову о низкий свод. Увидав меня, Ли сказал.

— Я только что получил известие, что один из наших кораблей сегодня ночью пролетит всего в десяти километрах от нас. На крыльях вам легко пролететь это пространство. Корабль будет лететь медленно. Летите. Постарайтесь чем-нибудь привлечь его внимание, и мы спасены. Второго такого случая может не повториться.

— Вы нужнее,—ответил я—летите лучше вы, я дам вам свои крылья.

Но Ли решительно отказался.

— Случай сохранил крылья вам, вы и полетите. Вы случайный гость среди нас, и я не могу подвергать вас риску остаться здесь, если есть возможность спастись вам и, быть может, спасти нас. Полетите вы и Эа. Она поможет вам сигнализировать.

Как я не отказывался, но в конце-концов принужден был согласиться.

Мы высчитали время, когда должны были вылететь. Оно приходилось на полночь. Затем, общими усилиями, мы сделали две больших связки костров из смолистых сухих ветвей.

В этот вечер, чтобы усыпить бдительность дикарей, мое «священнодействие» отличалось особенной торжественностью. Я разбрасывал с высоты целые фейерверки горящих кусков дерева, практикуясь, вместе с тем, в сигнализации. Дикари были в восторге; с криками одобрения разошлись они по окончании моего представления по пещерам и крепко уснули, как дети. Впрочем, не совсем, как дети. Я уже мог убедиться не раз, что дикари умеют спать с чуткостью животного: При малейшем шуме они просыпаются и засыпают не раньше, как убедятся, что кругом все спокойно. Поэтому нам надо было соблюдать крайнюю осторожность. От исхода предприятия зависела, если

не жизнь, то наша свобода. Мы все сидели у костра. Это было обычно, и не могло возбудить подозрения дикарей. Мы прислушивались к их дыханию, вздрагивали при крике ребенка во сне. Мы были взволнованы, но молчали. Все было обдумано и сказано. Ли посмотрел на хронометр.

— Пора,—тихо сказал он. Мы поднялись. Наступил самый решительный момент. Я и Эа разожгли наши факелы, пламя которых мы должны были поддерживать во все время полета, и стали спускаться вниз, чтобы не разбудить спящих шелестом наших крыльев.

Прохождение было короткое, но сердечное.

— В добрый путь,—сказал Ли.

Мы тихо поднялись на воздух, пролетели над лесом, обогнули склон горы и стали подниматься все выше, ускоряя полет.

— Если бы не эти факелы,—сказал я Эа,—мы могли бы лететь гораздо скорее.

— Хорошо еще, что ветра нет,—ответила она,—посмотрите, какая чудная ночь.

— Да, великолепная ночь. Плохо только то, что восходит луна. Сегодня полнолуние. В темную ночь наши факелы были бы видны лучше.

Мы поднялись еще выше, но неожиданно попали в поток сильного ветра. Мой факел погас. Хорошо, что я летел не один. Иначе мне пришлось бы спускаться вниз, чтобы добыть огонь трением; а на это ушло бы не менее получаса, Я зажег свой факел от огня факела Эа и мы спустились ниже, где было тихо. Скоро мы достигли линии, через которую должен был пролетать воздушный корабль. Наше волнение достигло крайних пределов. Чтобы свет наших факелов был лучше виден, мы отлетели друг от друга, создав таким образом две светящиеся точки. Несколько раз нам казалось, что мы слышим гул приближающегося корабля, но это был обман слуха.

— Летит!—вдруг крикнула Эа, указывая на горизонт. Она не ошиблась. На диске луны четко вырисовался силуэт сигарообразного воздушного корабля; пролетев диск луны, он потерялся было на фоне темного неба, но потом опять стал заметен. Он шел прямо на нас, быстро увеличиваясь в размерах. Мы поспешно вынули запасные факелы, зажгли их и, держа по факелу в каждой руке, начали махать ими в воздухе.

— Они заметили нас, корабль летит сюда!—возбужденно крикнул я Эа. Но радость моя была преждевременной. Немного не долетая до нас, корабль вдруг начал заворачивать влево. Я размахивал факелами, рискуя загасить их,—корабль продолжал уклоняться в сторону. Вот уже он миновал нас. Последняя надежда угасала.

— Зажгите все факелы, бросайте часть их на землю!—крикнул я Эа что было мочи.—Вспыхнуло такое яркое пламя, что теперь уже мы сами рисковали сгореть живыми. Жар палил лицо, я задыхался от дыма, но неистово продолжал махать факелами. В тот момент, когда уже отчаянье стало овладевать мною, налетевший ветер сдул дым в сторону и я увидел, что корабль резко изменил полет и быстро приближается к нам.

— Наконец-то! Мы спасены!—крикнул я Эа.

Корабль спустился, замедлил полет, выбросил сеть и подхватил нас прежде, чем мы успели бросить факелы. Хорошо, что сеть оказалась металлической и достаточно крупной. Мы бросили в отверстия сети факелы и с нетерпением ожидали, когда поднимут нас на корабль. Наконец, через открытый люк мы были доставлены в просторную каюту,

Первое же лицо, которое я увидел, заставило меня в ужасе отшатнуться. Если бы люк уже не был закрыт, быть может, я бросился бы вниз. Это было лицо типичного американского богача. Из одного плена мы попали в другой. Ни слова не говоря с нами, нас заперли в железную каюту, лишенную всякой мебели.

Мы были так подавлены, что даже не говорили друг с другом. Что будет с нами? Нам не приходилось рассчитывать на пощаду. И что будет с Ли и Смитом?..

Мы летели долго, даже при огромной скорости, которую развил корабль. Наконец, мы почувствовали, что он снижается, замедляет полет, останавливается. Таюже молча нас вывели наружу.

Два ощущения сразу больно ударили по нервам. Яркий свет солнца после полумрака нашей тюрьмы и резкое чувство холода.

Корабль остановился на площадке, лежавшей на поверхности какого-то океана. Кругом плавали огромные ледяные горы. Посреди площадки был люк. Конвоируемые толпой американцев, мы вошли в лифт и стали спускаться вниз. Спускались мы довольно долго. Наконец, мы вышли из лифта и пошли по коридору вдоль стеклянной стены. Сквозь толстое стекло проникал снаружи бледный свет. За стеклом виднелось зеленоватое водное пространство с мелькавшими рыбами. Мы были на дне океана, в подводном городе,—последнем убежище американцев.

II. На рассвете.

— Где находится Смит? Где Ли?—И не ожидая моего ответа, Клайнс задал мне новый вопрос.

— Какую смерть вы предпочитаете, спокойную, как засыпание, или сопровождаемую агонией страданий?

— Да, это был Клайнс. Тестообразный, с огромной головой, он сидел, зарывшись в подушки и смотрел на меня своими водянистыми глазами. За стеклянной стеной колыхалась вода, в которой виднелись рыбы, привлеченные светом из комнаты подводного городка.

— Какую смерть вы предпочитаете?—Еще раз спросил меня Клайнс.

— Я предпочитаю жизнь,—ответил я.

— Мой ответ очень рассмешил Клайнса. Он долго смеялся тонким, визгливым смехом. Наконец, вытерев слезящиеся глаза, он ответил.

— Я тоже предпочитаю жизнь, и потому вы должны умереть. Вопрос только в том, —как. Если вы скажете, где Смит и Ли, вы умрете спокойно. Если не скажете, вас ждут страдания, ужасные мученья, какие только может испытать человек.

— Смит, Ли и механик погибли при крушении корабля,—они не успели прикрепить крылья.

— Гм... вы уже успели сговориться с этой девушкой.

Я не сговаривался с Эа, но оказалось, что по счастливой случайности, она, допрошенная раньше меня, дала такие же объяснения.

— Ваша ложь скоро будет открыта. И тогда пеняйте на себя,—сказал Клайнс. Он хорошо говорил на языке европейцев. Потом он перешел на английский язык. Коротая время у дикарей, я, благодаря новым, упрощенным методам усвоения языков, довольно скоро научился говорить на новом английском языке, беря уроки у Смита.

— Позовите врача,—сказал Клайнс.

— Сейчас, очевидно, меня будут пытаться в присутствии врача,—подумал я.

— Вошел врач,—такой же большоголовой, как и Клайнс, но не столь полный, он мог ходить на ногах, не пользуясь подпорками и коляской.

— Осмотрите этого человека,—сказал Клайнс.

Врач с удивлением посмотрел на мое телосложение, непохожее на телосложение окружающих людей и приступил к самому тщательному осмотру. Он принес с собой целый ряд аппаратов и последовательно осмотрел при их помощи мои легкие, сердце, печень... Кажется, ни одного органа он не оставил без внимания. Потом он шприцем взял у меня кровь и тут же произвел анализ.

— Ну что?—спросил Клайнс, внимательно следя за всеми манипуляциями врача.

— Прекрасная кровь,—ответил врач.—Количество красных кровяных шариков на двести процентов выше нормального. Это совершенно исключительный субъект.

— Прекрасно,—ответил Клайнс.

Я совершенно не мог понять, почему их так интересует состав крови человека, которого они хотят подвергнуть пыткам и медленной смерти.

Скоро, однако, мои недоумения разрешились. Меня положили на стол возле Клайнса и произвели переливание крови из моих вен в вены Клайнса.

Так вот, что значила его фраза «я тоже хочу жить, и потому вы должны умереть». Я должен был умереть не только, как враг Клайнса, но и потому, что моя кровь должна была продлить его жизнь.

— Я чувствую себя гораздо лучше,—сказал Клайнс после операции переливания.—Ко мне вернулась моя прежняя энергия. А она мне так необходима. Ведь мы будем бороться, бороться до конца. Питайте его получше, чтобы я мог как можно больше извлечь из него крови, а потом... он получит должное.

Какой ужас! Своею кровью я должен был укреплять силы самого страшного врага моих друзей, укреплять его силы на борьбу с ними... Если мне суждено умереть, то хорошо было бы отравить свою кровь,—пусть она вместе с тем отравит и Клайнса... Надо будет об этом поговорить с Эа, может быть, ей удастся достать нужный яд.

Однако, мне не удавалось привести в исполнение эту мысль. С Эа я виделся только урывками. Притом, врач перед каждым новым переливанием крови производил анализ ее.

Благодаря хорошему питанию и уходу, я не очень это обессиливал от потери кро-

ви в первое время. Но всё же постепенно это начало сказываться. Я чувствовал слабость, головокружение. Какая нелепая смерть!

Посмотрев как то в зеркало, висевшее в одной из проходных комнат, я ужаснулся бледностью своего лица.

В этот день, во время операции переливания, врач, не стесняясь мои присутствием, сказал:

— Ну, кажется, эти ресурсы близки к окончанию. Нам придется заняться девушкой. К сожалению, ее кровь не так богата красными шариками...

Эа! Неужели и ее постигнет та же участь?—с ужасом думал я, лежа на операционном столе.

— А с этим что?—спросил Клайнс, лежавший рядом со мной.

— Мы можем еще использовать его железы внутренней секреции,—ответил врач.—Сделаем их пересадку. Это обновит ваш организм и придаст устойчивость составу вашей крови. И с этим надо спешить, так как он на границе остро малогокровия. Сделаем передышку на несколько дней, возьмем еще два—три стакана крови, и тогда можно будет оперировать.

На меня смотрели, как на обреченного, и потому совершенно не стеснялись говорить при мне о своих делах. Во время операции переливания Клайнс беседовал со своими друзьями и подчиненными. Из этих разговоров я узнал, что американцы, на всякий случай, заблаговременно приготовили себе это убежище. Подводный город находился в самой заброшенной части мира, недалеко от Южного полюса. Для того, чтобы не обнаружить его местопребывания, отсюда не происходило никаких радиопередач. Но американские корабли продолжали делать налеты, сообщая с пути о всем происходящем. Посреди комнаты, в которой находился Клайнс, стоял громкоговорящий и большой экран, на котором отражались события внешнего мира.

Однажды, лежа на столе, я увидел картину, глубоко впечатлевшую меня и, кажется, Клайнса. Это было во время предпоследнего переливания крови. Экран вдруг осветился и я увидел площадь в парке Радиополиса. На трибуне, среди радостно возбужденной толпы, стояли Ли и Смит и рассказывали своим друзьям о своем спасении. Оказалось, что следом за американским кораблем летел наш. Увидав раскиданные на земле догоравшие факелы, корабль остановился. Сотни людей, с крыльями за спиной, вылетели из корабля и рассеялись по окружающей местности, ярко освещенной прожектором, чтобы найти людей, которые могли зажечь факелы в этой дикой, безлюдной местности. Так были найдены Ли и Смит.

— Вы, кажется, говорили, что они погибли при падении?—с кривой усмешкой спросил меня Клайнс.

Но эта усмешка быстро сошла с его лица, когда он услышал, что дальше говорил Ли. Он говорил, что нашим кораблям удалось выследить то место, куда слетаются корабли американцев и откуда они вылетают.

— Таким образом, мы открыли, где укрылись американцы.—И быть может случайно, повернувшись в сторону Клайнса, Ли сказал:

— Клайнс, слушайте, если сейчас вы видите меня. Сдавайтесь без боя и отдайте нам наших друзей. Если вы не сделаете этого, то мы будем к вам беспощадны. Вместе с вами мы не хотим губить и их. Вот почему мы не приводим нашу угрозу в исполнение немедленно. Даем вам на размышление сутки.

Хотя я не видал в этот момент моего обескровленного лица, но лицо Клайнса вероятно было, также бледно, как и мое.

Несмотря на протесты врача, Клайнс приказал немедленно созвать совещание штаба и инженеров.

— Мы открыты, — сказал он, когда все явились. — Что делать? Здесь оставаться нам не возможно. Ваше мнение, Крукс?

Я уже слышал эту фамилию. Крукс был главным инженером, соперничавшим в гениальности с Ли. Его огромная голова с непомерно большим лбом свисала от тяжести на правое плечо, так что он смотрел вбок, исподлобья. Крукс беспомощно развел руками.

— Рано или поздно, это должно было случиться. Вы знаете, что я сконструировал огромный летающий корабль, — целый город, который может вместить всех нас. Этот корабль лежит рядом с подводным городом, в океане. Его движущая сила основана на принципе ракет, и потому на нем мы можем подняться выше атмосферы и летать в безвоздушном пространстве. Мы могли бы на нем неопределенно долгое время летать в межпланетном пространстве. Но... тут есть большое но. Несмотря на все успехи химии, мы не можем обеспечить питание всех нас более, чем на несколько лет. Если бы нам удалось возобновлять запасы, ну хотя бы клетчатки, мы добыли бы из нее все, что нужно для питания. Но для этого мы должны держаться ближе к земле, чтобы наши небольшие суда могли от времени до времени спускаться на землю в безлюдных местах и пополнять запасы химических продуктов и воды. Но эти малые суда скоро были бы уничтожены один за другим...

— Значит, мы обречены, — раздельно сказал Клайнс.

— Да, мы обречены, как впрочем все живущие на земле, — ответил Крукс.

— Это вы хорошо сказали, — возбужденно ответил Клайнс, — хотя, может быть, и не о том думали, о чем думаю я. Если обречены умереть мы, то пусть не позже, а вместе с нами умрут все живущие, все до одного. Мы взлетим вверх на нашем воздушном городе и мы... мы пустим в ход атомную энергию! Мы разрушаем все разрушительные силы всех атомов, находящихся на земле и мы взорвем весь земной шар. Кто возражает против этого? Конечно, никто. Если нам суждено умереть, существование земли теряет всякий смысл!

На этом совещание было закончено, и все обитатели подводного города начали с отчаян-

ной поспешностью готовиться в последнее путешествие. Так как все шли на смерть, то сборы были не долги; нужно было только поднять на поверхность огромный воздушный корабль, переселиться в него и подняться на воздух. Через несколько часов все было закончено. Огромный корабль — город поднялся на воздух.

Все были так поглощены мыслью о предстоящей гибели, что совершенно забыли обо мне и о Эа. Мы скоро розыскали друг друга и скрылись подалеже от всех, в нижнюю часть корабля, игравшую роль трюма. Здесь, в огромных кладовых, хранились всяческие запасы.

— Эа, неужели через несколько часов, — быть может, минут — мир погибнет? — сказал я.

— Да, он может погибнуть, — отвечала она, — но мы должны, если сумеем, предотвратить эту опасность. Но как?..

Мы смотрели друг на друга, и вдруг наши глаза засветились мыслью, — и мы уже знали, — что одною и тою же мыслью. В этих трюмах должны быть запасы взрывчатых веществ, — достаточные для того, чтобы взорвать весь корабль со всеми его обитателями и нами самими. Взорвать корабль прежде, чем Крукс пустит в ход атомную энергию, — и земля будет спасена. Не говоря друг другу ни слова, мы бросились с Эа на поиски. Только бы успеть!..

Обежав несколько комнат, мы, наконец, нашли, то, что искали. В мягких подушках, на полках, снабженных пружинами, лежали бомбы. Довольно взорвать одну бомбу, как взорвется весь склад. Но мы взяли две бомбы; — Эа тоже хотела принять непосредственное участие в спасении земли.

С бомбами в руках, мы смотрели друг на друга...

— Прощай, Эа, — сказал я дрогнувшим голосом.

— Прощай, — тихо ответила она, и лицо ее осветилось печальной улыбкой, как бледный луч солнца, мелькнувший меж осенних туч.

Мы подняли тяжелые бомбы и бросили на пол.

Взрыв... Пламя... Ничто...

— Эа, Эа! — закричал я, сам удивляясь тому, что еще могу кричать... и открыл глаза.

На моем письменном столе горела лампа, а сквозь окно пробивался сумрачный свет московского утра.

— Наконец-то, — услышал я незнакомый голос. Это был голос врача.

— Что с Эа? Она тоже жива? — спросил я доктора, еще не соображая, как вновь я оказался в Москве.

— Лежите спокойно, — ответил врач. Вы бредите. Вы были очень больны, но теперь опасность миновала...

К о н е ц .